

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 3 (917)

Воскресенье, 19 января 1941 г.

Цена 45 коп.

21 января исполняется 17 лет со дня смерти великого вождя трудящихся всего мира Владимира Ильича Ленина.

Советская страна под руководством Сталина, испытанной соратника Владимира Ильича, осуществляя ленинские заветы, победоносно строит коммунистическое общество.

Бессмертное имя

Через два дня исполняется семнадцать лет как умер Ленин. С каждым годом удаляется в прошлое то время, когда живой Ильич, окруженный бесконечной любовью народа, стоял у руля нашего государства. Не может ли время стереть след его жизни? Могут ли века охладить любовь к тому, чье имя навсегда связано с рождением нового человечества?

Труд и подвиг великих деятелей дороги людям тем, что становятся примером, на котором учатся последующие поколения. Для самого Ленина таким примером были Маркс и Энгельс, его предтеча и учителя. Он видел в них совершенный образец человека-революционера, до конца преданного своей идее. И они были действительно вершиной морального совершенства, людьми несокрушимой жизненной целеустремленности. На вопрос дочерей: «Ваша отличительная черта?» — Маркс кратко ответил: «Единство цели».

Он имел право дать такой ответ. Освобождение трудящихся от извечной кабалы — такова благородная и героическая цель, ради которой Маркс жертвовал личными интересами, терпел гонения и нищету, шел на опасность, трудился, как гитан, не зная ни отдыха ни покоя.

Ленин унаследовал от своих идейных предшественников не только учение, но и личные качества, человеческие черты, свойственные и необходимым борцу за коммунизм, за всеобщее счастье. Он с таким же правом, как Маркс, мог ответить: главное — единство цели. Личное счастье для него заключалось в борьбе, в преодолении преград на пути к заветной цели, в отстаивании правды, открытой Марском.

Было время, когда последователи Ленина считались десятками. От него отходили, пасуя перед неважными и временными препятствиями, стойкие, казалось, бойцы. Но оставшиеся испытанные соратники, не оставшиеся никогда учителя. Первым из них был Сталин, верный помощник и друг. Ленин шел, не сходя с головы, убежденный в конечном торжестве своего дела. И победил. Малочисленная группа последователей Ленина выросла в партию большевиков. Вокруг партии сплотились народные массы. И чем яснее становилась массам большевистская правда, тем беспредельнее умножалось число людей, видящих в Ленине пример для себя, тем сильнее пламенела любовь, не угасающая во времени, крепнущая и после его смерти. Идея Ленина, овладев массой, стала материальной силой.

Мы прощались без Ленина семнадцать лет. Неудачно осуществляя под руководством Сталина бессмертные ленинские заветы.

Ленинская правда продолжает жить в делах Сталина, во всем том, что создано народами Советского Союза. Сто девятно три миллиона населения нашей родины трудятся и творят в условиях нового общественного строя. Нет былого убожества и нищеты. Нет рабского перелом богатых, так как их самих не существует. Навсегда покопочено с учительским порядком, когда человек жил, во выражении Энгельса, в разладе с самим собой. Открыты широкие просторы развитию всех активных, творческих начал советского строя.

Сделано еще не все, что завещал великий учитель. Надо много строить и строить, неизменно много народного труда и знаний вложить в хозяйство, в оборону, высоко поднять культуру, чтобы прийти к завещанной всей жизнью и делом Ильича цели — коммунизму. Но мы будем строить, уже вооруженные громадным опытом, закаленные в упорных битвах за ленинско-сталинский план построения коммунизма.

Социалистический строй доказал уже свои преимущества перед капитализмом. Внутренние возможности быстрого развития советской экономики и культуры не исчерпаны. По существу, они лишь начали раскрываться. Капитализм же, наоборот, пришел в состояние, когда его внутренние противоречия достигли предела выполнения плана, обязавшая стать две оборонные книги. Длительная редакция к 15 февраля обязавшая выполнить двухмесячный план изданий и сверх того напечатать план сборника о деталях, подобрать для этого сборника авторов и составителей.

Редактор В. Гебель обязавшая стать одну рукопись сверх плана и подготовить проект перспективного (на 3 года) плана издания русских классиков. Редактор И. Резникова в дополнение к основным обязательствам, обещает стать в производстве 5 книжек о профессиях.

Художественный отдел обязавшая заключить оформление 52 книг на 25 дней раньше срока. 15 февраля будут выпущены все февральские номера журналов.

Эти обязательства детально проработаны, составлен жесткий график прохождения каждой книги во всех производственных процессах.

Дело чести работников крупнейшего в Советском Союзе издательства выполнить взятые на себя обязательства.

В процессе подготовки к XVIII партконференции впервые по-настоящему активно включились в социалистическое соревнование редакторы издательства.

Так, редакция литературы для младшего школьного возраста, помня досрочно

высшего напряжения и подобно обручу скрепляют развитие производительных сил. «Как видно, — говорил т. Молотов в докладе о XXII годовщине Октября, — источник дальнейшего подъема внутренних сил современного капиталистического общества более или менее исчерпан и вообще подходит к концу... В этом заключается действительный корень современных войн, число и размах которых растут на наших глазах».

Вторая империалистическая война, охватившая огромные территории и втягивающая в свою орбиту все большее число государств и народов, больше, чем когда-либо до сих пор, обязавшая советский народ находиться в состоянии мобилизационной готовности, держать порою сухим, идти на жертвы, чтобы обезопасить страну от всяких попятных и навязать войну или нарушить интересы СССР.

Обобщая опыт 1914—18 гг., Ленин писал: «...Война многому научила, не только тому, что люди страдают, но и тому, что берет верх тот, у кого величайшая техника, организованность, дисциплина и лучшие машины... Без машины, без дисциплины жить в современном обществе нельзя, — или надо преодолеть высшую технику, или быть раздавленным».

Вывод этот в полной мере сохранил свое значение и практический смысл в наши дни. Развитие войны в Европе и Азии придает ему еще более убедительную силу.

В свете приведенных ленинских слов гигантски вырастают в нашем сознании историческое значение и величие победы, одержанной партией в борьбе за индустриализацию страны. Наша крупная промышленность, о которой Ленин мечтал как о самом существенном и жизненно необходимом для народа, стала надежным фундаментом всей экономики и крепкой опорой военного могущества первого в мире социалистического государства.

Мы создали социалистическую технику. Но сама техника требует первоклассной организованности и дисциплины людей, которые ею владеют и управляют. Выполняя завет Ильича, партия и советское правительство приняли меры к установлению строжайшей дисциплины в трудовой и государственной жизни страны, объявив беспощадную войну разгильяйству, пренебрежительному отношению к исполнению своих обязанностей перед партией и страной, расточительству богатств, созданных общественным трудом, дезорганизаторам и туземцам.

Ленин с беспощадной прямотой и пламенной яростью клеймил тех, кто рассчитывал войти в коммунизм без труда, без ордена, как в «настроение». Он ставил в пример героев первых субботников, простых рабочих, освоивших благородство труда для других, для общества. Он видел в них прообраз будущего человека, сбросившего ветхие одежды мелочности и собственничества.

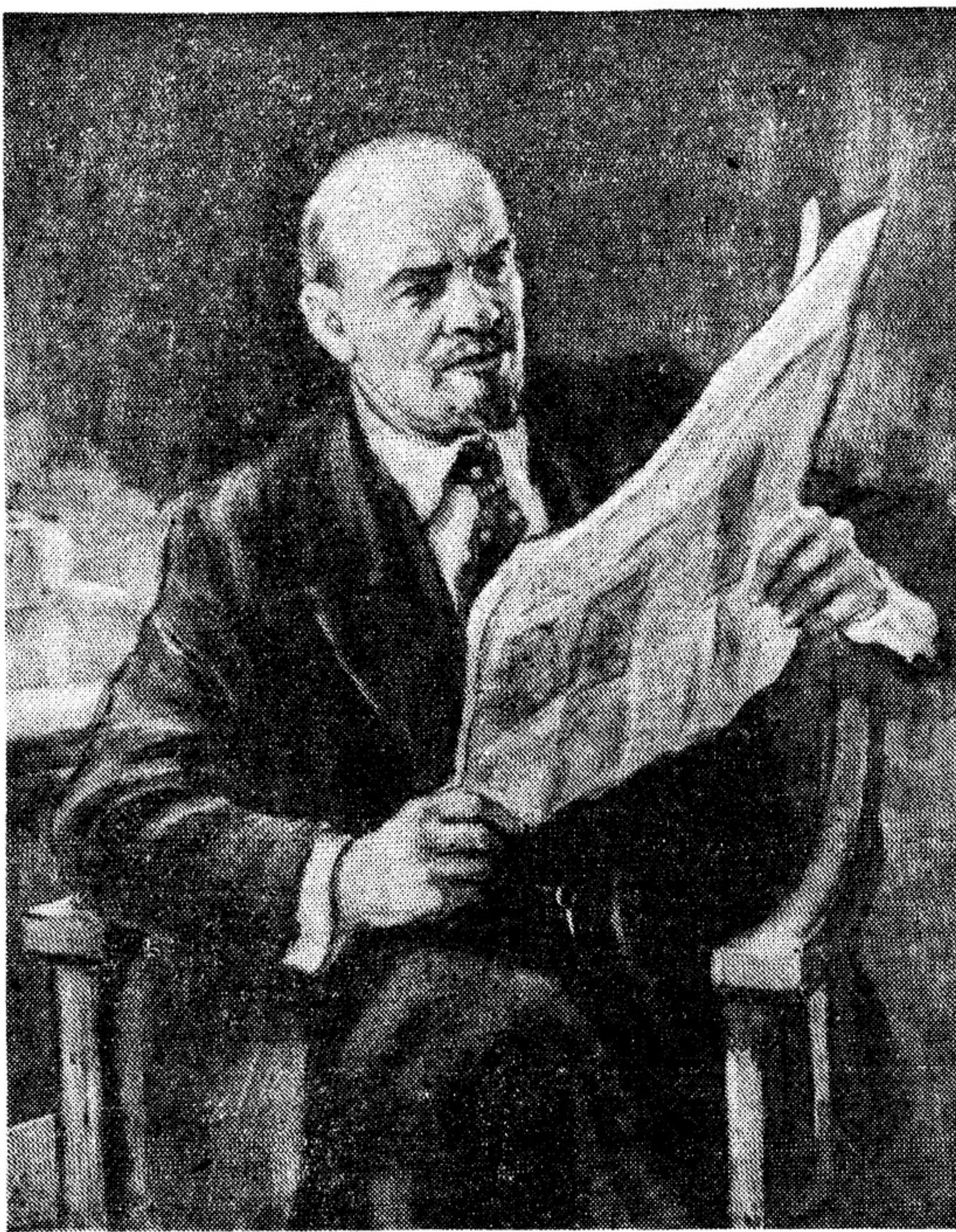
В наши дни «великий почин» разросся во всепартийное движение. Социализм извлек советских людей от растлевающей власти частной собственности и жадности обогащения за счет других. Идеал нашего общества — гражданин государства, живущий всеполюс интересами родины, пламенный патриот, отдающий всего себя общему делу.

«...Или в огонь за честь отчизны, Или за убеждения, за любовь».

Так писал когда-то поэт-демократ Некрасов. Эти слова близки и понятны людям нашего времени, ибо отвечают духу наших дней, полным самоотверженных подвигов и героизма.

Творя свое великое дело, советский народ всегда помнит о жизненном примере Ильича. Он был и остается для нас воплощением моральной чистоты, высоким идеалом служения правде.

Быть же, как Ленин! Этот сталинский призыв окрыляет миллионы людей, мобилизует на труд и подвиг ради бессмертного ленинского дела. С мыслью о Ленине, под водительством Сталина советские люди идут к коммунизму, полные уверенности в своей победе, готовые встретить во всеоружии любые испытания.

«В. И. ЛЕНИН». Картина А. М. Герасимова на выставке лучших произведений советских художников в Третьяковской галерее. Фото Ю. Говорова.

В ЛЕНИНСКИЕ ДНИ

На вечере писателей

17 января в Московском клубе писателей состоялся большой вечер, посвященный памяти Ленина. Доклад на тему «17 лет без В. И. Ленина — по ленинскому пути под руководством товарища Сталина» сделал Б. А. Богданов.

М. М. Есен прочла главу из своей книги воспоминаний о Ленине, которая выходит к XVIII партконференции. С большой речью выступил А. Фадеев. И. Сельвинский прочел отрывок из трагедии «Брестский мир» (сцена: Горький у Ленина).

Ленин в советской поэзии

В ленинские дни Гослитиздат выпускает сборник стихотворений, поэм, песен и народных сказов о Ленине. Здесь собрано все лучшее, что создано советскими поэтами и фольклором народов СССР.

Сборник открывается отрывками из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Далее весь поэтический материал расположен по хронологическому принципу.

В книгу вошли финские песни о Ленине и ряд произведений советских поэтов, еще не вышедших отдельным изданием, как «Ленин и печник» А. Твардовского, стихи С. Гордева и др. Составители сборника — А. Адамов и Л. Белов.

Пьесы о В. И. Ленине

Пьесы советских драматургов о Ленине пользуются огромной любовью советского народа. Даже небольшие данные о спичечной судьбе этих пьес дают представление об их необычайной и повсеместной популярности.

В октябре 1937 г. Орехово-Зуевский драматический театр первым показал зрителю «Человек с ружьем» Н. Погодина. К концу 1940 г. пьеса была поставлена (по неполным сведениям ВТО) на сценах 49 советских театров. Сейчас готовится разными театрами 9 новых постановок «Человека с ружьем». Только в 1939 г. эта пьеса была поставлена на сценах 34 советских театров (по данным подготовленного к печати «Театрального ежегодника») 999 раз. Пьеса ставилась и ставится в театрах почти всех республик нашего Союза — на русском, армянском, узбекском, грузинском, белорусском, казахском, башкирском языках и на языке коми-аря.

Вторая пьеса Н. Погодина, в которой действие Владимир Ильич Ленин, — «Кремлевские куранты» — поставлена уже в 39 театрах СССР; 25 других театров, в том числе МХАТ СССР им. Горького, покажут ее в ближайшем будущем. «Кремлевские куранты» включены в репертуар театров Ашхабада, Баку, Владивостока, Горького, Павлова, Киева, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Тбилиси, Харькова, Ташкента и др.

Пьеса А. Каплера и Т. Златогоровой «Ленин в 1918 году» поставлена 12 театрами. 7 театров готовят эту пьесу к постановке. Она занята в репертуаре не только русских, но и азербайджанского, армянского и узбекского театров.

«Правда» А. Корнейчука идет на сценах 12 театров. Сейчас готовится новая постановка этой пьесы в Сербинском драматическом театре. В 1939 г. театры Украины, РСФСР, Грузии и Казахстана сыграли спектакль «Правда» 175 раз.

«Образ Ленина в искусстве»

В скором времени в издательстве «Искусство» выйдет сборник, посвященный изображению Ленина в искусстве. Сборник открывается статьей Ем. Ярославского «Великий образ». В первом разделе книги печатаются большие статьи об изображении Ленина в советской литературе, драматургии, в изобразительном искусстве и в народном творчестве.

Второй раздел сборника посвящен образу Ленина в театре. В статьях А. Токарева — «Вершина нового искусства», И. Погодина — «Документ и образ», А. Корнейчука — «Задача задач», К. Тренева — «Моя работа над образом Ленина» писатели делятся опытом первых попыток создать в драматургии образ вождя.

Л. Вендровская в статье «Первый спектакль о Ленине» использует запись репетиций пьесы «Человек с ружьем» в театре им. Вахтангова. Она привносит интересные эпизоды режиссерской работы Р. Симоняна, В. Кузы, К. Митрофанова. В ней описываются поиски наиболее правильного воплощения образа Ленина народным артистом СССР Б. Шуклинным.

В сборнике печатаются также статьи крупнейших актеров, первых в истории театра исполнивших роль Ленина: М. Штрауха, А. Бучмы, А. Крамова. «...Когда мне поручили в пьесе А. Корнейчука «Правда» (а затем в кино) роль В. И. Ленина, — пишет в своей статье М. Штраух, — я был поражен смелостью этого предложения».

Потрясенный величием образа Ленина, я был в состоянии растерянности и не знал, что делать, с чего начать, как прикоснуться к нему? Было страшно. ... Я начал с того, что стал читать все, что только мог достать о Ленине. И не только о Ленине. Я читал биографии революционных-большевиков, потому что в них отражается Ленин. Я искал живых свидетелей, мучил их расспросами, покуда бродил по чудесным залам Ленинского музея, смотрел кинохронику кадр за кадром, ловил по пластинкам нотопания Ленина, тембр его голоса, изучал его образ в живописи, в скульптуре, в поэзии.

Хотелось все это вобрать в себя, с головой уйти в материал. Постепенно он укладывался в моем сознании, и мелодия стал вырисовываться стройный и величавый образ Ленина, живое и сложное ощущение которого надо было передать просто и верно».

Сказы и плачи о Ленине

ПЕТРОВЗОВДСК. Стратно и образно рассказывают народные сказители Карело-Финской ССР в своих былинах, сказах и плачах о тяжелом пропелем карело-финского народа, о великой народной любви и преданности делу Ленина — Сталина.

Бывшая работница беломорских лесозаводов, сказительница т. Быкова, в былинке о Владимир Ильиче говорит: А во тюрмах сидел да за решетками. На гризных полях да на камешных. Постель была да лежку ярого, Подушка была да снежку белого, Одеяло было да ветры буыные. Сейчас т. Быкова сложила новый сказ о великом вожде.

Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской республики записал за последние время много новых сказов и былин о Ленине у народных сказителей Вотчиневой, Бойекиной, Укколен, Пашковой и других. Три года тому назад Карельское государственное издательство выпустило книгу сказов и плачей народных сказителей о Ленине. Эту книгу, пополненную новыми записями, следовало бы сейчас переиздать.

С. ЮРИН

За неделю

СОВЕЩАНИЕ ПО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

По инициативе ЦК ВЛКСМ 23 января созывается расширенный пленум комиссии по детской литературе ССР СССР, посвященный обсуждению насущных вопросов трудового и военного воспитания детей в литературе. Совещание будет проходить в помещении ЦК ВЛКСМ. В нем примут участие писатели, военные специалисты и представители Наркомпроса РСФСР.

Вступительное слово сделает А. Фадеев, доклады на темы «Трудовое воспитание и детская литература» — В. Шкловский и «Военное воспитание и детская литература» — Б. Ивантер.

Совещание обсудит книги по трудовому и военному воспитанию, выпускаемые Детиздатом.

ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ НАВОИ

Заседание юбилейного комитета Навои и наряду по существу явилось творческим отчетом в подготовке к юбилею. Содержательный доклад Н. Скобырева свидетельствовал о внимательном изучении не только поэзии Навои, но и политических традиций, философских концепций поэта и той исторической миссии, которая выпала на его долю. Эпоха Навои — интереснейшая эпоха в истории Востока. Она предвосхитила многие идеи эпохи Возрождения.

Рожденный в конце царствования Улуг-бека, внука Тимура, прорывавшего и прогрессивного деятеля своего времени, Навои воспитывался в обществе тимуридов. Один из них, Хуссейн, был другом его детства и вместе с поэтом мечтал о гуманистических реформах. Не достигнув еще южного возраста, Навои за волюнтаризмом был сослан в Самарканд. Здесь значительно расширил свое образование. Он стал большим знатоком фарсидской, тюркской и арабской культуры и писал стихи на трех языках. Через несколько лет Хуссейн поднял восстание против султана и добился успеха. Он приблизил к себе Навои, и тот в скором времени стал визирем. Сохранившиеся документы говорят о гуманистической деятельности поэта. Однако Хуссейн постепенно превратился в деспота. Навои был отстранен от управления. Вот тогда-то, в течение трех-четырёх лет он написал 50.000 стихов своей знаменитой «Пятиречью».

Булуки сослан в Туркмению, он затем создал «Чар-диван», сборник газелей, насчитывающий 45.000 стихов. В 1501 г. Навои умер. После смерти поэта на его имя воздвигается знаменитый хан Бадуэр, основатель империи Великого Могола.

После доклада П. Скобырева переводы поэмы Навои «Фархад и Ширин» на русский язык читал Л. Пельковский и на немецком — А. Курелла. Газели из «Чар-дивана» прочли переводчицы В. Рождественский и Н. Лебедев.

ЮБИЛЕЙ ПЕРЕЦА

В связи с исполняющимся 90-летием со дня рождения классика еврейской литературы И.-Л. Переца президиум Союза советских писателей СССР решил провести в мае юбилей писателя. Избран Всесоюзный юбилейный комитет под председательством А. Фадеева. В состав комитета вошли: тт. Асеев, Хранченко, Лебедев-Полянский, Чагин, Федин, В. Иванов, Вишер, Добрушин, Энгштейн, Маркин, Бергелсон, Михоэлс, Зускин, Голибер, Гурштейн, Ойгенберг, Бятик, Галкин, Лиман-Ленин, Стронгин, Нушинов, Рубин, Сухарев, Миллер, Шехтер, Корнейчук, Рыльский, Тячина, Ферер, Резник, Спиряк, Бажан, Гофштейн, Кадызна, Перле, Нистор, Гольдберг (руководитель Киевского Гостета), Лойтер (Гостет Одессы), Ша Раминская (Еврейский театр Львова), Коэнчик, Янка Кулапа, Зыньков, Колас, З. Аксельрод, Бурштейн, Сербинский, Кампелчик, Финкель, Рубинштейн, Бродерзон, Арончик (Гостет БССР), Моревский (Еврейский театр Белостока) и Эренгрос.

МОНОГРАФИИ МАСТЕРОВ СОВЕТСКОГО ТЕАТРА

Во Всероссийском театральном обществе создан новый научный кабинет, который будет разрабатывать вопросы теории и истории актерского и режиссерского мастерства. Кабинет будет собирать материалы о творческой биографии выдающихся мастеров советского театра: автобиографии, воспоминания, высказывания актеров о работе над ролями, заметки режиссеров на текстах пьес, протоколы и сценарии репетиций, рецензии, впечатления о спектаклях и т. д. Эти материалы будут использоваться для издания монографий выдающихся актеров, режиссеров и наиболее ценных спектаклей. Некоторые из них будут изданы в этом году.

Работу кабинета возглавит совет в составе народных артистов СССР Л. Леонидова, С. Михоэлса, Н. Хмельна, заслуженного деятеля искусств А. Попова, заслуженных артистов РСФСР М. Штрауха и Ю. Зварковского; режиссеров Н. Охлопкова и В. Маркова, В. Пильнова; искусствоведов П. Новикова (руководитель кабинета), В. Филиппова, Ю. Юзовского и народного артиста РСФСР А. Тархова.

Первое совещание кабинета, созываемое 27 января, будет посвящено проблемам композиции, ритма и стиля спектакля. С докладами выступят А. Попов, С. Михоэлс и Ю. Зварковский.

КОНФЕРЕНЦИЯ МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Союз советских писателей СССР постановил устроить в феврале творческую конференцию московских писателей. Конференция обсудит произведения пятидесяти прозаиков и поэтов. Каждому из них посвящается отдельное заседание конференции, на котором будет сделан доклад о творчестве писателя и в частности, о его последнем произведении.

В прениях примут участие писатели, предварительно ознакомившиеся с обсуждаемым произведением, а также авторы — участники конференции.

Работы конференции будут происходить два-три раза в неделю.

СЛОВАРЬ МАЯКОВСКОГО

Новое в изучении словаря поэзии Маяковского вносит доклад проф. Г. Винокура о языковом новаторстве поэта, прочитанный им недавно в Институте мировой литературы. Он дал наиболее полную и систематизированную классификацию особенностей его языка. Самые смелые словесные эксперименты Маяковского были связаны с самой природой русского языка.

В этом принципиальное отличие словотворчества Маяковского от «звукового языка» футуристов. Футуристы верили, что слово может быть внеисторичным. В итоге — единственным содержанием поэзии становилось само слово, Маяковский же стремился найти средства выражения, соответствующие тому новому содержанию, которое он принес в поэзию. Маяковский, бесспорно, ценит экспериментальную футуристы, горел желанием сделать поэтическое слово таким, чтобы его можно было пропояно конкретным общественным содержанием. Его языковое новаторство не отделяло от его эстетической новаторства.

Поэтический стиль Маяковского, по определению Г. Винокура, сложился в борьбе с метанским началом в поэзии, с ее лагестетизмом. По своей принципиальной основе он тяготел не к книжной речи, а к живому разговорному языку, эмоционально насыщенный, взволнованный. Маяковский сознательно прибегал к таким формобразованиям, которые приближали его поэзию к звучащей речи. Он разрушал обычный синтаксический строй фразы для того, чтобы добиться максимальной смысловой нагрузки каждого слова.

Доклад проф. Г. Винокура вызвал большой интерес и единодушное одобрение группы Института по изучению языка и творчества Маяковского. С. И.

ПЕРВЫЙ ОБЪЕМНЫЙ ФИЛЬМ

Изобретение объемного кино, первыми артистами которого мы были 14 января в специально переоборудованном кинотеатре «Москва», не уступает по своему значению появлению на экраны звука. Уже сейчас легко представить, какие колоссальные возможности открываются перед советским кинематографом.

«Словом еле заметную вуаль плещущие морские волны. Кажется, вот-вот опустится на лице соленые брызги. На скалистом берегу моря появляется Владимир Яковлев. Он читает поэму Маяковского «Хорошо!».

Глубина, объемность, видимые и ощущаемые в языке, стали реальными на экране. Больше того, предметы проливают в артефакльный зал, вопреки тому, что перед вами экран на арфе Вера Дулова. У ног ее метра поворачивается тонкий прозрачный стальной шар. Мгновенье — и шар поплыл в артефакльный зал. Не прекращаются звуки «Сентиментальной вальсы» Чайковского, артистка и арфа уже не на экране, а внутри шара, совсем близко, над головой сидят впередии артефакты. И снова все водворяется на место. Кончается мелодия. На сцену-экран из сада бросен букет цветов, другой, третий. Улыбающаяся актриса собирает их и бросает обратно. Цветы летят к зрителям, невольно поднимаются руки, чтобы поймать их.

Среди пальм, на открытой веранде у моря — роль К. нему принадлежит Яков Флиер. С блестящим исполнением он отдал Лиду, и зритель раскрывается в глубинах моря — в артефакльном зале плавают золотистые рыбки.

Чудеса ловкости демонстрирует жонглер Виталий Спекан, спереживаясь мячом с бубликом. Эффектные снимки с высоты, когда мячи поднимаются вверх и снова падают в глубину, подхватываемые жонглером.

Единодушное восхищение вызывает у зрителя выключительный эпизод концерта — чудесный сад с птицами. Здесь уже окончательно теряется ощущение экрана. Ясно видишь тонкий шнур, словно протянутый через артефакльный зал. На него садятся птицы, свободно порхающие в зале. Селез заканчивается цветным короткометражным объемным фильмом «Земля молодости».

Взвешивая дружными аплодисментами народный артист, выступающий в просторной артефакльной обстановке стереоскопического кино С. Иванова, поздравляем о первыми достижениями своей работы.

Советский популар пришел к решению задачи объемного кино путем сложнейших изысканий в математике, оптике, химии, физике. Его экран совсем не похож на обычное полотно. Он состоит из тысячи точнейших металлических струн, натянутых на раму. Поток света в стереоскопическом кино послещается не на экран, а от экрана в артефакльный зал.

Буржуазные ученые до сих пор считают объемное кино делом далекого будущего. На Нью-Йоркской выставке американцы демонстрировали переставшие уже быть новостью очковые кино. А в это время в Москве являя молодого советского ученого была близка к реализации. Изобретение С. Иванова делает перевод в науке в кино. В. С.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

РАССКАЗ МАТВЕЯ НИКАНОРОВИЧА

Вопрос твой, дорогой товарищ, понятен мне. Не первый человек, услышав, что я — шушенский, про Ленина спрашивает. Вот ты и на борозду мою погляди: верно, в ту пору, когда сельские к нам приехали, я уж земля пахал, детей растил.

— Да что ж дела, — горе одно. — Отдал начальнику бумагу? — Не принял он. — А где ж она, бумага-то? Данилыч уж и не глядит на Владимира Ильича: — Не знаю... Жена, что ли, ее куда-то... Сахару я в городе купил, так в ту бумагу заворачивал.

«В. И. ЛЕНИН И А. М. ГОРЬКИЙ». Картина В. П. Ефанова на выставке лучших произведений советских художников в Третьяковской галерее.

Я встречалась с Лениным и в годы, когда еще только складывалась партия, в период «Искры», и в годы после II съезда, в период борьбы с меньшевиками. Встреталась я с Лениным в Петербурге во время революции 1905 г. и в годы реакции. Вспоминаю первые встречи, когда Ленин, полный сил и энергии, спланировал ряд «искровцев», создавал организацию профессиональных революционеров, сокрушал экономизм, писал боевые статьи в «Искре» о задачах партии, о перспективах революции, боролся за основы научного социализма, против оппортунистов и вульгаризаторов, искажавших великое учение Маркса. Каждая его статья в «Искре» поднимала энергию многих людей, томившихся в тюрьмах и ссылках, водружала передовых рабочих, усиливала подполье в массах.

Ленин в этот период весь кипел и горел. Он писал тогда свою книгу «Шаг вперед, два шага назад», в которой подводил итоги съезда и показывал всю беспринципность меньшевиков. Читая нам отдельные места из этой замечательной книги, Владимир Ильич весь как-то внутренне светился, был такой азартный, яркий и живой. Вспоминаю, как бесился меньшевик, когда книга эта вышла в свет. Они готовы были сечь ее, задушить ее автора собственными руками. Особенно их злило то место в книге, где Ленин пишет: «Существует мнение, что каждый имеет право в течение 24 часов проклинать своих судей. Наш партийный съезд, как и всякий съезд всякой партии, явился тоже судьей некоторых лиц, претендовавших на должность руководителей и потерпевших крушение».

Ленина передалась и ему. Мне особенно памятен его выступление. Первое — о Парижской коммуне в 1904 г. в Женеве и второе — в 1905 г. на заседании Совета рабочих депутатов в Петербурге. Ленин говорил о Парижской коммуне, и мы ощутили ее могучее дыхание, ее пафос и трагедию, ее мировое значение. Парижская коммуна стала перед нами, как сверкающая звезда новой жизни.

Ленин о литературной критике

«...не забывайте, что Вы — сотрудник партийной газеты, и окружающим не давайте забывать». В. И. ЛЕНИН. Литературно-критические труды Ленина — классические образцы большевистской литературной критики. Партийность и публицистичность — таковы отличительные особенности этих трудов, создавших эпоху в развитии марксистской литературной науки.

Владимир Ильич призывал литераторов «...связать и литературную критику теснее с партийной работой...». Владимир Ильич призывал литераторов «...связать и литературную критику теснее с партийной работой...». Владимир Ильич призывал литераторов «...связать и литературную критику теснее с партийной работой...».

Владимир Ильич призывал литераторов «...связать и литературную критику теснее с партийной работой...». Владимир Ильич призывал литераторов «...связать и литературную критику теснее с партийной работой...».

Владимир Ильич призывал литераторов «...связать и литературную критику теснее с партийной работой...». Владимир Ильич призывал литераторов «...связать и литературную критику теснее с партийной работой...».

Владимир Ильич призывал литераторов «...связать и литературную критику теснее с партийной работой...». Владимир Ильич призывал литераторов «...связать и литературную критику теснее с партийной работой...».

Владимир Ильич призывал литераторов «...связать и литературную критику теснее с партийной работой...». Владимир Ильич призывал литераторов «...связать и литературную критику теснее с партийной работой...».

Цельность и разнообразие

Анри Барбюс, Роже Мартен дю Гар, Теодор Шивье, Карел Чапек, Томас Гарди... Эти имена были бы достоянием культуры, если бы не вышедшая из моды «Интернациональная литература» (9-10) привлекательным и интересным. Правда, и прежние номера были не хуже по авторскому составу. Но в них ошутливо угадывались расхожесть, случайность, в отборе материала. На этот раз вся книга составлена очень умно, о максимално допустимой для журнала неспециальности. «Синяго» Роже Мартен дю Гар — мастерски написанная картина Франции конца первой империалистической войны — служит как бы художественным предисловием ко всему остальному материалу. Жгучие вопросы, оставленные в «Синяго», находят свой ответ у Анри Барбюса. События и факты литературной современности, в свою очередь, становятся ясными после прочтения «Синяго». От 1918 к 1940 году протягивает логическая нить, помогающая ориентироваться в лабиринтах духовной и литературной жизни современного капиталистического общества.

С грустью и растерянностью профессор Филлипс говорил отправляющемуся на фронт Антуану Тибо: — Я без конца ломаю над этой головой. Настоящая драма Эпана... Эпана тоже был предпринят. Но в роковой день он не распознал в событиях тех ужасов, которые предвещала ему... Мы тоже...

Это было в седьмой части романа — цикла Роже Мартен дю Гар «Семья Тибо». Это было 1 августа 1914 года, в день, когда на мир лавиной горы обрушилась первая империалистическая война.

Тогда Антуан Тибо, отправляясь на фронт, весело крикнул всклиывающей комсомолке: — Скоро увидимся.

В «Синяго» мы снова встречаем старшего профессора и его ученика. Прошло четыре года войны. Филлипс по существу мало изменился. Разве только его скандинавский стал более едким. Зато Антуан Тибо... Что с ним стало? Препревающий врач, человек с большой карьерой, блестящий будущим, теперь он — отравленный ипритом калека, без будущего и даже без настоящего. «Мертвец в отпуску», — провозглашает он сам. Действительно, как будто по жестокой прихоти, война вымучила его из смертельных объятий, чтобы в физическом страдании добавить ему муки раздумья: что же дальше?

Филлипс разводил руками. Живой свидетель 1870 года, деда Дрейфуса, драмы 1914 года, он ничего не знает. Прочитать «Синяго»? Неудно. Критиковать, осуждать еще можно. Но предсказывать, что произойдет в будущем? Благодаря покое. Все равно пришел к исходной точке. Единственная позиция, которая не подвергается — это «поиски ошибок, а не поиски истины». Познавать то, что ложно, трудно, но мыслить иной раз. Вот и все, буквально все, что мы можем делать! Все остальное — чистые бредни!

Верно? Но что? Он когда-то верил, считал нерушимой реальностью, что мир идет к новой эре, где будет царить Мудрость, основным законом существования людей будет Разум. А что оказалось? Инстинкт разрушения, потребность периполитически истреблять то, что возведено в так мучительным трудом, выдвигая верш над разумом. Все разлетелось в прах. Очевидно, миром управляют какие-то таинственные, обманчивые законы, которых не познал еще ни один мудрец. Не будем поэтому гадать о будущем.

Итак: никаких положительных идеалов. Человеку дано только искать ошибок. Антуан Тибо уходит без морального подкрепления и без всякой надежды на физическое выздоровление. В передней, неожиданно оглушившись, он прочел в глазах Филлипа молчаливый диалог, страшный приговор: ты пошел! Он знал это. Ни все же признание обреченности со стороны, кем-то другим, сравило, как внезапный удар. Все кончено!

В литературе можно отыскать немало притупленных художником записок людей, осужденных на смерть. Роже Мартен дю Гар пользуется этим приемом, пишет за Антуана Тибо его дневник. Это потрясающая по своему реализму, наиболее сильная часть «Синяго».

Дневник Антуана — исповедь честного буржуазного интеллигента, потрясенного не только, вернее, не столько личным несчастьем, сколько крушением былых представлений о судьбе общества, страшной катастрофой, банкротством целей, какими жило целое поколение людей его круга.

Но в противоположность скентнику Филлипу Антуан Тибо, идущий к неизбежному концу угасающей с каждым часом жизни, бьется в поисках выхода, ищет оправдания своему существованию, ищет новый идеал. В нем пробуждается потребность бороться «против безвременья». Ведь что-то должно связывать его с миром. Ему далеко не безразлично, что будет после него.

Антуан вынуждает воспоминания из прошлого, заново переосмысливает прошитое. Отступая на миллионы веков, он видит все ступени живой лестницы — от появления протоплазмы до вершин развития жизни на земле. Что он в этом беспредельном течении времени, в этом бесконечном пространстве? Незначительная, к тому же еще испорченная частями материя.

Обреченный на смерть потомок Оскара Тибо временно как будто находит утешение в безмятежном созерцании, которое страсть граничит, отменяющая жизнь от небытия. Но беспокойная мысль не мирится с покорным растворением в океане вселенной. Да, он ничтожная частица мировой жизни, способная создавать свою индивидуальность. Мысль Тибо снова ищет выхода, снова его существование как космос возвращается на грешную землю, чтобы найти на ней зацепку.

Антуан с жадностью читает газеты. Реть Вильсона. Вот он — свежий воздух, прорывающийся в торюм человечества. Конец войне! А потом? Потом справедливо, разумное устройство жизни народов. Значит, у людей есть будущее. А у него? У него оно тоже есть. Его будущее — Жан-Поль, сын брата. Революционер Жак осмелился бросить вызов войне. Он победил свои убеждения. Он прав.

В этом признании — итог размышлений Антуана Тибо. Будущее за людьми, подобными Жаку. Его сына, Жан-Поля, судяно продолжить дело отца. Антуан пишет в дневнике: «Все, во что мы верим, все, что мы желаем, все, что нам не удалось сделать, ты должен воплотить в жизнь, мой мальчик!»

Вскоре после 1911 года Уполномоченный Германия перешел линию фронта. Мирные переговоры. «Все-таки удалось добиться», — заносит в свои дневник Антуан. Через десять дней «зеленые» бездельно перестали принимать участие, сердце остановилось. Последние слова дневника: «Жан-Поль». Антуан Тибо умер с верой в лучшее будущее.

Роже Мартен дю Гар правдиво изобразил ломку мировоззрения наиболее честной и культурной части буржуазной интеллигенции в годы первой империалистической войны. Его герой пришел к сознанию необходимости коренных изменений существующего порядка жизни. Антуану Тибо не ясно еще пути, по которому пойдет мир. Он хочет верить Вильсону, но тут же замечает, что князьский побуждения сильнее слова «14 пунктов» поимасит в воздухе. Противоречия между привязанностью к старым идеалам и новыми выводами из личного опыта, из пережитых событий раздирают сознание. Мысль блуждает, стремится найти правду, близко подходит к ней, но, бесстрашно представляя эту правду в ее жгучей конкретности, опять удаляется в область мечтаний. Но в этих мечтаниях, в этой еще не окрепшей вере в будущее — зерно оптимизма. «Я не должен уметь в сомнении и отчаянии», — говорит Антуан Тибо. И он, хотя и не вполне сознательно, перед смертью проникается доверием к жизни. На страницах его дневника появляется великое, возмущающее вперед имя: Ленин.

В этом же номере журнала помещено предисловие Анри Барбюса к альбому портретов художника Дешана. По своему содержанию оно логически как бы завершает ход мыслей Антуана Тибо, переводя их из состояния созерцательности в область действия. Автор «Огня» и «Ясности» говорит от имени миллионов людей, с которыми он плещет к мечте: прощайте жестокому игоду войны. Да война обрекает народы на страдания, разрушает счастье целых поколений, но она воспитывает закаленных борцов против самой себя. В статье В. Писсака «О творчестве Барбюса» приведена выдержка из письма писателя к жене: «Чорт возьми, если бы мы стали расточать слезы, плакать над этим варварством и глупостью, хороши бы мы были!»

Следствие, запугивание ужасами войны так же бессильны устранить его угрозу, как и бесприметные приемы борьбы против «своими вообще». В США большая популярность пользуется роман Д. Трамбо «Джонни получил выговор». Это произведение большой разоблачительной силы. Но нельзя пройти мимо серьезного недостатка этого романа. Совершенно прав М. Гус, когда он в своей статье «Голос неизвестного солдата» отмечает, что Д. Трамбо чрезмерно увлекается описанием «ужасов войны». Правильные выводы и правильный вывод на войну вытекают из продолжительной планности наблюдений, в разоблачении протекторств, предлагающих «отменить» всякую войну, в опровержении скептицизма тех, кто считает ее порождением «естественных начал», заложенных в природе человека. С этой точки зрения книга Ашихера Хино «Шиния и солдаты» (в журнале «Записки японского унтер-офицера») обладает гораздо большей вырвчатой силой, чем самые «гневные обличения», ибо она показывает истинные цели захватнической войны, рисует ее во всей реальности.

Даже людям, стремящимся, подобно Антуану Тибо, искренно «познавать истину», нелегко преодолеть пассивные упования на «счастливый авеню», пробиться сквозь туман древних предрассудков, ложь буржуазной пропаганды и жеманств участия Эпана.

Маркс писал когда-то, что капиталистическая пресса и телеграф в его время способны были фабриковать больше мифов, чем когда их создали в прежние века фантазия людей на протяжении столетия. В наши дни, помимо всех жанров литературы и помимо телеграфа, в руках классов, заинтересованных в войне, находятся такие мощные виды оружия, как радио и кино. Фабрикация мифов конвейеризована, как промышленное производство. Литература стала поставщиком сырья для кино и радио. А то, что идет помимо них к потребителю, обрабатывается в ускоренном порядке по правилам военного времени. Совершенно открыто сейчас органы информации говорят сейчас о «четвертом фронте», подразумевая под ним пропаганду всех видов: язычная и литературная. Книжный рынок заполнен «новинками» специального назначения. Среди так называемых «бестселлеров» (сверхходовых книг) в Англии числится «Блестящая и бодрящая» книга д-ра Х. Робертса «Режим во время войны». В ней автор с серьезным видом поучает, как «сохранить здоровье и жизнедеятельность в эти черные дни». Широко рекламируется книга Клары Смит об известном шпигоне Лоуренсе, которого «критики от рекламы» не прочь превратить в «друга человечества». Заслуживает внимания название этого произведения — «Золотой век».

При всем старании рекламных фирм сыбт книжной продукции далеко не удовлетворяет аппетиты издательства. Корреспондент «Нью-Йорк таймс бук ревю» с грустью замечает, что «Англия перестала быть страной, где покупают книги». Редакция литературного приложения к лондонскому «Таймс» открыто признает, что уровень наркотической литературы одинаков в Англии и в США, то есть одинаково низок. Похожий вывод, очевидно, не только результат снижения покупательной способности населения. По всей вероятности, есть причины и другого порядка — «изменения вкусов». Охотников читать макулатуру становится меньше.

Опасность превращения литературы в «бизнес» вызвала многочисленные проекты ее «спасения». Некто М. Рис, пришел, например, к заключению, что главный виновник упадка художественной литературы — публика. По его мнению, все зло — в распространении грамотности среди населения. Будь оно менее культурным, будь меньше читателей, не было бы роковой потребности в штампе, в стандарте.

Писательница Бриджитта Вулф предлагает не столь универсальный проект. Она считает, что среди других виновников оскудения художественной литературы далеко не последний роль играет критика. Она не только беспощадна, но и вредна, так как оказывает неблагоприятное влияние на писателей. В качестве аргумента Вулф приводит «факт»: «Гамлет» и «Потерянный рай» завоевали мировую славу помимо критиков.

Подобные рецепты «кодрования» можно было бы воспринять, как анекдот, если бы они не предлагались всерьез как действительный путь спасения от бедствия. Счастье литературы, что читатели Европы и Америки мало-помалу начинают разбираться, какая литература им нужна. Данные Нью-Йоркской публичной библиотеки подтверждают большой спрос на романы Стенбека и Ричарда Райта, на биографию Линкольна, написанную поэтом Сэндбергом. В Англии, несмотря на крайне неблагоприятные условия для чтения, огромные массы людей с явным удовольствием читают В. Шоу, Шона О'Кейси, Джима Фелана. Незатейливая реклама «наркотической» литературы приводит к неожиданным для издателей результатам: растет спрос на классику. А это уж не так плохо.

Хочется в заключение сказать несколько слов об информации в «Интернациональной литературе». Она умело подобрана, дает возможность судить не только о чисто литературных, но и общественных явлениях современной жизни в странах капитализма. В целом номер оставляет впечатление разнообразия и в то же время внутренней цельности, тематической собранности.

Читатели о книгах

Почти сказочная история

Перед нами рассказ Ващенко «Санаторий (Санита)» (журнал «Знамя» № 6-7, 1940 г.). Писатель рассказывает в нем, как старший лейтенант с двумя бронемашинами ликвидировал банду белополитов, которая состояла почти исключительно из офицеров.

По тем сведениям, которыми располагал старший лейтенант, банда имела до пятидесяти человек, и не исключена была возможность добойней ее за счет бегущих к румынской границе белополитов.

Обстановка, в которой пришлось действовать, требовала максимальной бдительности, находчивости, хитрости. В глухой, неизвестной местности Прикарпатья, где каждая километр продвижения вперед требовал одновременного ведения разведки и боя, следовало проявить особую осмотрительность.

У т. Ващенко старший лейтенант с первых же шагов действует легкомысленно. Достигнув ворот санатория «Санита», он астал их закрытыми. «Сигналом. Проходит минута, две, три... Никого. Что за чепуха? Сигналом сильнее. Смотрим, спешит человек, на вид лет пятидесяти, небольшого роста, с пышными усами, как будто ходил поляки, торопливо открывает ворота, вежливо раскланивается.

— Что так крепко запрятается? — спрашивает я.

Таков первый полчок боевых машин в объекту, о котором заранее известно, что он находится в горах, в глухой местности, где не исключена возможность вражеской засады. Но на этом литературный воин т. Ващенко не останавливается. Не пробулило его бдительности и то обстоятельство, что сейчас, в военное время, в санатории есть отдыхающие, которые приступили к ужину.

Он «распорядился итти ужинать в две очереди. Одни едят, другие остаются у машины. Мало ли, что может случиться. Банда была где-то поблизости».

А что за отдыхающие находятся в этом замке, старшего лейтенанта не тревожит, как не вызывает интереса и тот факт, что ужинают одни только мужчины.

Красное от стыда, читая все приписанные вам, т. Ващенко, старшему лейтенанту.

Старший лейтенант направился в умывальник помыть руки, но путь ему преградил «хозяйин» санатория, в ужасе шепча: «Дамы, здесь для дам!» По нашему повелению, т. Ващенко, старший лейтенант, удивился, что на двери нет соответствующей надписи, и покорно отступил, чтобы не «сплопать в неудобное положение» перед женщинами.

После ужина появились шахматы, отдыхающие заехали преферанс. Старший лейтенант решил, что «теперь можно было невозможно посидеть в культурной обстановке».

В ответ на предложение о ночлеге он начал объяснять гостеприимному хозяину, что неудобно ставить сторожей на ночь к бронемашине, что если бы хозяйин был когда-нибудь на военной службе, он бы знал, что отходить от машины бойцу нельзя, и т. д. и т. п.

Беседа с хозяином, наш «герой» наблюдал за прогуливающимися по комнате отдыхающими, и вдруг почему-то пришла ему в голову «несузная мысль». Ему показалась подозрительной походка отдыхающих, и только тут он подумал спросить, а где же дамы. Решил проверить комнату, куда он перед ужином не был допущен хозяином. Открыл дверь, спешно захлопнул ее и запер на ключ. Все было ясно: в комнате было спрятано оружие и обмундирование.

Как же дамы были офицеры и генералы! Они даже не заперли дверь в комнату с оружием и обмундированием; больше того, даже ключ оставили в двери. Позвольте этому не поверить. т. Ващенко. Спешком уж вы оплутаете противника.

Но слушайте, что делает дальше герой т. Ващенко. Он собрал всех отдыхающих в зал как будто для доклада и неожиданно для всех произнес: «Вот что, господа хорошие, — сказал, я, вынимаю пистолет. — Все ясно. Прому спокойно поднять руки вверх. Вот так, спокойно, иначе бронемашини откроют огонь за окном». Небольшое замечательство, Шум. Воскликания. Кто-то бросился к двери, очевидно, намереваясь проникнуть в комнату с оружием.

— Назад, — кричу я и бью из пистолета.

Дальше т. Ващенко повествует, что всю ночь экипажи бронемашин провели в тревоге. «Дожидались рассвета», «берегли патроны» и следили только за тем, чтобы противник не перелез через ограду со стороны леса. «Так ночь и прошла. Главное, мы не знали, сколько нас окружает».

А собрался ли вы это узнать? Нет, добавим от себя. Об этом не хотели думать ни старший лейтенант, ни т. Ващенко. История кончилась тем, что экипажи все же дожидались рассвета, остались целы и невредны, а остатки банды (их было около двухсот человек), узнав, что их штаб взят в плен, покорно сдались.

Все это было сообщено старшим лейтенантом полковнику и батальонному комиссару, которые выслушали весь этот малоправдоподобный рассказ и ограничились лишь тем, что сделали короткое замечание. Полковник сказал: «Почти сказочная история», батальонный комиссар философски заметил: «На войне всякое бывает».

Война — не прогулка. Кто поверит, что старший лейтенант, без предварительной разведки санатория, решил войти в него, трудно верить и тому, что командир базисной отряда в замке, пользуясь «культурной обстановкой», не проверит, что это за здание, кто в нем живет. Наконец, настоящий командир не сидел бы целую ночь в ограде, не зная, какие силы противника его окружают, а принял бы все меры, чтобы установить численность врага и принять решение, как выйти из создавшегося положения.

Все нам дается легко, все нам ни по чем. Вот какой вывод следует сделать из вашего рассказа, т. Ващенко. Все ваши «поучения» не выдерживают самой снисходительной критики.

Хочется спросить, почему редакционная коллегия дала возможность подобному произведению увидеть свет? Командир Армии любит художественную литературу, высоко ценит ее, но она с такой же силой осуждает тех писателей, которые создают неинтересные образы, рисуют нереальные положения в силу слабого знания материала, о котором пишут.

Слушайте Военно-политической академии им. В. И. Ленина, старший политрук

Ф. ПАВЛЕНКО

Жизнь и творчество Н. Островского, автора романов «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», изучают литературоведы, критики. О нем пишут статьи, посвященные поэмы. Но есть, кроме того, советских людей, простых читателей, свой Островский, свое какое-то олю место в его романе, где сказано именно для тебя и о тебе. Это место внешне вычурно, оно, воля в сознание, крепко запомнилось и никогда не забудется. Я знаю это по собственному опыту и по опыту других людей — читателей «Как закалялась сталь».

Со своими любимыми строчками я впервые познакомился на большой койке шахтерской больницы в Макеевке, после операции над моим раздробленным големом.

Главный врач хирургического отделения, высокий, грузный и очень добрый, но старший врач прикрыть свою доброту напускным суровым видом, Никита Елисевич Чаплыгин положил к изголовью моей койки и, наклонившись, произнес: — Ну вот, наконец, вы очнулись. Жить будете, ва это теперь ручаться. Поправляйтесь и готовьтесь к жизни на новых условиях.

Он говорил весело, с улыбкой, но глаза выдавали его. В уголке их я ясно прочел и сожаление об искромсанном здоровье теле и какую-то виноватость, что именно он руководил операцией, резал, зашивал.

Новые условия заключались в том, что я потерял 75 процентов физической трудоспособности человека.

Трудно передать чувства и мысли, которые охватили меня, когда этот факт дошел до сознания и полностью завладел им.

Когда я сейчас, через два года, вспоминаю о том, что я думал в те дни, лежа на большой койке, о своей жизни, о ее перспективах, краска стыда заливает мои щеки.

Впервые со всей остротой я почувствовал этот стыд, когда открыл последнюю страницу затертой, замусленной шахтерскими руками книги Островского «Как закалялась сталь», принесенной сестрой-хозяйкой из больницы сибиротки.

Страница по внешности была эта книжка, и не раз главный врач отделения грозил выбросить ее, но большие прятала книгу в матрацах, подушках, а прочитав,

передавали друг другу, не возвращая в библиотеку.

Сестра-хозяйка, разговаривая книгу по названию, просила дать книгу хотя бы на день, чтобы привести в порядок, заменить переплет и приклеить некоторые листы, но мы считали сестру «сообщницей» главного врача, посланной с целью вырвать из рук больных книги, и сами клеили ее разжеванным хлебом или коллоидом.

Правые края страниц ее были совсем черные, и почти на каждой странице разными карандашами были подчёркнуты слова, фразы, места целые страницы.

Это большие шахтеры, металлурги соглашались с Островским, черпали в нем силы для борьбы с болезнями тела и ослабевшей волей, беседовали с автором, как с живым человеком: — Молодец, Корчагин! Правильно! — Герой! По-работному решил — не хныкать, а драться до последнего вздоха. — Браво, Павел! — Это же так думав. — Товарищи! Учитесь у Павла Корчагина, как надо жить и бороться за рабочее дело.

— Спасибо от забойщика, Островский! Хотя Никита Елисевич и обманул меня немного, все же я на что-нибудь и прижорусь! Повоем еще!

Там же, на 506-й странице, я подчеркнул 13-ю и 14-ю строки сверху, своей строчкой: «Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной».

Героический образ большевика-писателя, волю которого не сломали невозможные тяжести личной судьбы, встал перед моими глазами. Он пропал уныние, отстал мысли и горячими простыми словами ширанился:

— А ты? Все ли ты сделал, чтобы вырваться из железного кольца, чтобы вернуться в строй, чтобы сделать свою жизнь полезной?

Мне стало стыдно так, как никогда не бывало в жизни. Увы! Находясь в лучшем положении, чем Корчагин, имея большие возможности для этого, я, еще не предприняв ни одной серьезной попытки в этом направлении, опустил руки.

И книга дала мне то чего не сумели внушить родственники и друзья: волю к жизни, к борьбе в новых условиях, желание быть полезным людям, семье, стране.

Сколько еще раз, после неудач на новом пути, меня оживляли и бодрили неуведомленные, живые строчки и образ Павла Корчагина!

После я встречал и встречаю много людей в своем положении, в худшем или лучшем. И когда заходит разговор о жизни людей, потерявших свою трудоспособность, как это констатируют врачи и пенсионные книжки, на 50, 75, 80 процентов, эти люди говорят:

— Это по мнению врачей, а по Островскому...

Их заставил жить, работать, принести пользу семье и стране образ Павла Корчагина, в котором воплотил себя, свое отношение к жизни и смерти Н. А. Островский.

В заключение мне хочется высказать на страницах газеты советских писателей одно пожелание: хорошо бы собрать и издать книгу рассказов советских людей о ваметательном писателе-большевике.

С. БЕЛИКОВ

КНИГА И ЖИЗНЬ

После я встречал и встречаю много людей в своем положении, в худшем или лучшем. И когда заходит разговор о жизни людей, потерявших свою трудоспособность, как это констатируют врачи и пенсионные книжки, на 50, 75, 80 процентов, эти люди говорят:

— Это по мнению врачей, а по Островскому...

Их заставил жить, работать, принести пользу семье и стране образ Павла Корчагина, в котором воплотил себя, свое отношение к жизни и смерти Н. А. Островский.

В заключение мне хочется высказать на страницах газеты советских писателей одно пожелание: хорошо бы собрать и издать книгу рассказов советских людей о ваметательном писателе-большевике.

С. БЕЛИКОВ

НОВАЯ КАЗАХСКАЯ ПЬЕСА

АЛМА-АТА. (Наш корр.). Наднях в Союз советских писателей Казахстана молодой писатель-орденоносец Альжашпер Абшеш читал свою новую пьесу «Жолдастар» («Товарищи»). Тема пьесы — жизнь современной казахской молодежи, работающей на металлургическом предприятии республики. С пьесой т. Абшеша познакомилась и творческая работница Государственного казахского академического театра драмы.

Пьеса «Жолдастар» получила положительную оценку.

Г. МАКЕЕВА

«ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ». Скульптура В. Л. Симонова на выставке лучших произведений советских художников в Третьяковской галлерее. Фото Ю. Говорова.

М. ВИНЕР

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В сборнике Рахили Баумволь есть ряд стихотворений, которые свидетельствуют о поэтических способностях автора. Но, к сожалению, эти стихи не говорят о том, что поэтесса идет по правильному пути в реализации своих способностей:

Вот вишни расцветут — и я отвечу.
Вишни распеви, а возлюбленного предлагаю жать, пока не распустятся яблоны, потом пока не зацветут маки, и под конец:

Мы дожили до желтого листа.
А я все не решу — нет вид ла.
(Пер. В. Инбер).

В фольклоре стихотворение такого рода — благодаря нескольким едва удивимым интонациям — раскрывало бы многое в жизни человека. Улыбка таила бы в себе глубокое душевное движение. Здесь же стихотворение звучит, как пустой каприз избалованной девушки. В нем больше кокетства, чем навивной прелести.

В легком тоне шутильной игры написано любовное стихотворение «Слышу, как он отворяет дверь моего дома». В маленьком любовном стихотворении «Не расказывай» впечатление кокетливой игры сглаживается искренностью чувства. (Мы приводим прозаический полстрочный перевод его):

Не расказывай, не высказывай:
Целый день полное любви сердце носить. —
Небо любить, солнце, звезды
И все, что живет, что от земли
питается.
О каждой мелочи заботиться, как мать,
Бог упаси — не пропустить первой
птички.
Слепять, как раскрываются цветы,
К каждому другу во-время прийти.
Не оттолкнуть дитя, старого не обидеть,

Р. Баумволь. «Вишня цветет». Гос. издательство Белоруссии, Минск, 1940.

И иметь лишь единственную морщинку у бровей.
И то — лишь от любви без предела,
От тоски по тебе.

Большинство стихотворений этого жанра свойственны цельность и легкость формы, ясность строки и сердечность тона. Но вредит им деланная вычужденность. Темы этих стихотворений лежат на поверхности. Незначительные, «миллованные», а порой даже устаточные, тщательные отделанные «беззащитные» больше других уязвимы Р. Баумволь.

Никто не станет утверждать, что изящные, игривые стихи чужды характеру советской поэзии. Но если такие стихотворения являются не только лучшими, но и единственно (в своем роде) хорошими в книге, — то это уже говорит о существенном изъеме в развитии поэтического дарования.

Немалое количество стихотворений в книге Р. Баумволь посвящено общественным темам. Но эти мотивы трактуются ею без серьезного понимания общественной жизни, без глубины чувства.

Некоторые стихи претендуют, очевидно, на звание «колхозных». Это гладко написанные, жанровые картины деревни и деревенской природы. В стихотворении «Сам урожай алет» подробно перечисляются:

Возы нагружены яблоками и курами,
Розоватыми грушами, зелеными
огурцами,
Пузатыми кувшинками, полными
блюднами... и т. д.

Современность картины ложна, как вино, обесцвечивает копковка: «Неподалеку от возов пагают знатные колхозники». В другом стихотворении «Перед вечером» рисуется иллюзия картина наступления вечера в деревне, традиционная летняя гроза и прелестное солнце. В стихотворении «Утро» тем же гладко-традиционным описательным стилем рассказы-

вается о зимнем утра. На этот раз упоминается сосен, который спит дольше всех, потому что он учится па рабаке, — в этом и сокрыта «современность» стихотворения.

Непосредственно политические мотивы в книге, мягко говоря, очень упрощены. Три стихотворения о Ленине безжизненны, риторичны и бледны. Стихотворение «Б паланницам» просто банально:

Паланники, милые, здравствуйте!
Пусть будет завтра солнцем ваше
возвращение!

О нас вы совершенно не беспокоитесь,
Мы живы-здоровы и т. д.

Материнские стихи милы и сердечны, но так же поверхностны, как и большинство стихов сборника.

Иный раздел в книге, очевидно, посвящен детскому стиху, хотя он так не назван. Слова — гладко, но не оригинально. Очень явственные в них интонации и мотивы детских стихов Кивико, но они упрощены, и на них легли следы шаблона.

Нас привлекает в себе поэт, мы прислушиваемся к его голосу, если в стихах его сказано о существовании в жизни нашего времени. Если мысль и сердце поэта глубоко проникнуты идеями общества, то даже в натюрмортах, в стихах о васильке или бабке, эта связь с современностью прозвучит и без посвящающих кончиков, без внешних признаков времени.

«РУССКИЕ ПОЭТЫ XVIII—XIX вв.»

Эта антология задумана, как четырех-томное издание. Вышедший первый том посвящен русским поэтам допетровской поры. Здесь представлено творчество Ломоносова, Сумарокова, Державина, Радина, Карамзина и многих других писателей XVIII и начала XIX вв., вплоть до Кюхельбекера и Рыльева.

«Русские поэты XVIII—XIX вв.». Антология. Редакция текста статьи и примечания И. Вольфа, Г. Гусковского, В. Орлова и И. Яковлева. Издательство ЦК ВЛКСМ «Детская литература». 1940 г.

«ШИРОКАЯ РЕКА»

Бывают книги, которые интересны не сами по себе, а как иллюстрация определенной практики наших издательств, практики, не полезной ни для читателя, ни для писателя.

Книга Ванина похожа на собрание упреждений на отдельные темы, в разных жанрах.

Из пяти рассказов, собранных в книге, два посвящены реке «Широкая река» и «Кампаты», а остальные — строительству на далеком севере и таежным людям.

Кесарь Ванин. «Широкая река». «Советский писатель». Ленинград. 1940 г.

«ВРЕМЯ»

Недавно в Челябинске вышла первая книга молодого поэта Михаила Львова «Время». Большая часть стихотворений книги написана на исторические темы.

Поэт стремится увидеть исторические события и дела человека с точки зрения испытаня их временем. Они велики и прекрасны, поскольку выдерживают проверку вечностью.

Михаил Львов. «Время». Челябинск. 1940 г.

ЛЕРМОНТОВ НА КАВКАЗЕ

В биографии М. Ю. Лермонтова много неясного и до сих пор непонятого, начиная от обстоятельств семейной жизни родителей и до сложной сети причин, приведших его к роковой дуэли.

И. К. Ениколопов, задавшись целью изложить ту часть биографии Лермонтова, которая связана с его пребыванием на Кавказе, должен был пойти по тому же пути гипотетических домыслов и догадок.

И. К. Ениколопов. «Лермонтов на Кавказе». «Заря Востока», Тбилиси, 1940 г.

Говорили как-то о языке современной деревни.

Собеседники соглашались с тем, что язык резко меняется, обогащаясь новыми словами и оборотами.

Немолодой известный писатель, иллюстрируя свою мысль, сказал:

— Раньше, бывало, спросишь мужичка: «Ну, как, друг, у вас с кормицей? Хватит ли на зиму?» — «Лешади пока справные», — ответит. — А насчет кормицы, это как зима скажет. Теперь же отвечает по-иному.

В стране стало последствием движение ефремовцев, в корне ломавшие старые представления об урожае; сотни тысяч колхозников — участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки известны всему миру, имена их являются предметом нашей гордости.

Причины этого явления лежат гораздо глубже, чем думают некоторые авторы, обвиняя Союз писателей, редакцию журналов и критиков в полном невнимании к литературе о колхозах.

Многие из них, во-первых, оторвались от деревни, а, во-вторых, не поняли, что сейчас нельзя говорить изолированно о городской или деревенской теме.

Тема советской деревни у нас необычайно расширилась и перестала быть локальной, какой она была раньше.

У Сергеево начинает складываться очень интересный, содержательный цикл рассказов и новелл на темы гражданской войны.

Рассказы Сергеево написаны очень просто, сдержанно и, несомненно, по форме. Но во всем в том, что традиция эта новая, советская, сложившаяся в литературе в революционную эпоху.

М. Сергеево. Рассказы. Воронежское областное издательство. 1940 г.

Но чтобы почувствовать это, надо очень точно знать современную деревню, надо быть кровно заинтересованным в ее труде, в ее радостях и вместе с ней преодолевать трудности и неприятности.

Вот тут-то мы и подошли к главному пункту обвинения писателей.

О том, что они оторвались от деревни, замкнулись в собственном профессиональном мире, убедительнее всего говорят выписанные за последние два-три года книги о деревне.

О сегодняшнем дне в колхозе, о новых людях, выросших в деревне, о ломке старых пережитков в сознании людей пишут в подавляющем большинстве молодые писатели, еще не лордавшие с деревней.

А писатели старшего поколения? Что они дали за это время? Н. Кочин вынул стил «Юности» — повесть из эпохи комсомола; П. Замойский — повесть «Поднасос» — годы 1905—1907; В. Кулашов — роман «Последние мужики» (1921—1930 гг.) и т. д.

Эта склонность к «воспоминаниям» у писателей не случайна. Она возникла в результате застоя в накопленных новых впечатлениях. В итоге незнания того, что сейчас творится в деревне и чем деревня живет.

Странно прозвучало жесткое слово, но когда речь идет о судьбах советской литературы, можно преодолеть любой страх: видимо, все дело в том, что писатели решили поставить в угол свои старые боевые доспехи и предпочли заниматься тем, что не так хлопотно, что позволяет им сидеть в кабинете.

Есть и другая сторона в этом явлении, мимо которой тоже нельзя пройти.

Книга о деревне стала своего рода жульем для издательства и для читателя, еще не пережившего травмы от потока скверной, малограмотной, примитивной и приспособленческой «колхозной литературы».

Наряду с этим сложность социальных процессов, происходящих в колхозе, заставила работников редакции, не знающих действительности, опасаться: «Не попадем ли с этой книгой враскачку?».

Самое собой понятно, что такие условия не стимулируют писать о деревне, и нужна исключительно верность своему делу, чтобы вопреки всему и всем работать над темой, ставшей делом жизни.

И особенно досадно, что ни Союз писателей, ни критика до сих пор не приглядываются внимательно к произведениям о деревне за последние годы.

В заключительной речи на дискуссии по разбору книг о Маяковском т. Фале...

он очень четко заметил облик художника социалистической эпохи и в качестве одной из главных его черт выдвинул художественное мастерство. Мастерство — как результат высокой идеологии художника, его верности делу революции, умения в мелочах выразить образы больших вопросов и находит как результат упорной, самоотверженной и непрестанной работы над языком, словом, образом.

Важно было сказано, что мастерство писателя, работающего над темой о деревне, растет, и за последние годы появились книги, которыми вправе гордиться советская литература.

В первую очередь это утверждение относится к книге А. Тарасова «Крунный азербай».

После длительного молчания писатель выступил с произведением, совершенно по-новому освещившим советскую деревню, ее людей, на первый взгляд несложные, но такие глубокие и чуждые отношения их; по-новому — четко и пластично — показавшим лес и поле, ослепительно сверкавшие солнцем над нашей землей, которую мы отдаем свой труд, свои заботы, свою любовь.

А. Тарасов заставляет читателя горячо верить, что чувства и дела деревенского человека наших дней совсем не те, которые называла ему старая народническая литература.

Отсюда у писателя и новый язык, без «мужичков» оборотов, свободный и сильный язык сильного человека, отсюда и полное освобождение от «бульваризма» и, как результат этого, углубленный рисунок характеров, сложность взаимоотношений.

Несомненно, большой шаг вперед сделан И. Кочиним, выступившим автобиографической повестью «Юность».

Если по первым книгам о Кочине создавалось впечатление, как о писателе, густо грешившем натурализмом, не слишком бережно дописавшем до читателя художественное слово, то в «Юности» И. Кочин обнаруживает прекрасные качества своего дарования — теплый лиризм и подлинное умение опознать свою юность, совмещавшую с юностью революционной, с ее героическими годами испытаний.

И. Кочин благословляет свою горькую и заметательную юность, о большом такте говорит о собственном росте и о росте своих сверстников, из которых многие сложили головы в боях за революцию.

И. Кочин благословляет свою горькую и заметательную юность, о большом такте говорит о собственном росте и о росте своих сверстников, из которых многие сложили головы в боях за революцию.

И. Кочин благословляет свою горькую и заметательную юность, о большом такте говорит о собственном росте и о росте своих сверстников, из которых многие сложили головы в боях за революцию.

И. Кочин благословляет свою горькую и заметательную юность, о большом такте говорит о собственном росте и о росте своих сверстников, из которых многие сложили головы в боях за революцию.

И. Кочин благословляет свою горькую и заметательную юность, о большом такте говорит о собственном росте и о росте своих сверстников, из которых многие сложили головы в боях за революцию.

И. Кочин благословляет свою горькую и заметательную юность, о большом такте говорит о собственном росте и о росте своих сверстников, из которых многие сложили головы в боях за революцию.

косным, лживым и лживым, что еще будет среди нас и мешать строить новую жизнь.

Очерки молодого писателя В. Овечкина заставили говорить о себе и о других и недурно» колхозной литературы.

Его «Поднасос» во многом не похож на прежние книги. Простота и искренность тона, заданность в изображении людей русской деревни начала нашего века — явные доказательства растущего мастерства писателя, освобождения от того «реализма» ранних книг, который придавал им «дерево-деревенский» характер.

Признаки роста видны и у В. Кулашова (новые рассказы), но, к сожалению, роста не столь заметного, как того хотелось бы для этого бесспорно талантливого писателя.

Роман В. Кулашова «Последние мужики», задуманный как эпопея о крестьянстве в годы «великого перелома», растянут, сюжетно рыхл и перегружен бытовыми деталями. Не спасают книгу и отдельные удачные сцены, описания деревенской жизни, запоминающийся характер Анны, жены главного героя, Нефедки.

Итак, никто не может сказать, что у нас потому не появляются книги о современной деревне, что нет писателей.

Но кадры их могли бы быть куда значительнее, важнейшие темы современности куда обильнее, если бы и сами авторы, и руководство Союза писателей, и редакции журналов поняли бы, что пора заполнить этот открытый участок фронта не только бойцами, но и всеми видами технического оснащения и должным политическим руководством.

И, наконец, еще одно замечание: Откровенность писателя до повседневной жизни деревни породила кое у кого вредную теорию, что писать надо, «навалывая грудью на стену», т. е. в натуре, понаслышке, по газетным известиям.

Следует твердо запомнить, что мало любить деревню, мало знать ее с детства. Любить деревню — это значит не только видеть самые глубины ее жизни, но и предугадывать дальнейший путь ее развития.

В издательстве «Художественная литература» в ближайшее время выйдут на печати книга белорусского писателя З. Семуляна «Будущность». На снимке: иллюстрации к книге (гравюра на дереве) художников Н. и В. Ростовцевых.

НОВАЯ ПЬЕСА К. ТРЕНЕВА ПОСВЯЩЕНА ЛЮБВИ И ДРУЖБЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ. ДЕЙСТВИЕ ПРОИСХОДИТ В СРЕДЕ КОЛХОЗНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

ЛЮБОВ. Куда же вы, руководители, глядели? У вас на глазах такие вещи разворачивались. СКАКУНЦОВ. Уж и не знаю теперь, куда эти глаза девать. СОЛОХИНА. Да, проглядели... СКАКУНЦОВ. Теперь то оно, конечно, откуда ни взгляди — видно, а тогда прямо ватиние напало. Влетел в район, как метеор, говорит, как в радио, огромный авторитет. Всех нас околдовал.

СОЛОХИНА. Тут ведь дело не в убийствах, которые ничтожны. Но мы с такой радостью творили. С выставкой вернулись — на весь район праздник. И вдруг — не весь Союз поворот. ЛЮБОВ. Позор надо смыть. СКАКУНЦОВ. Главная беда — не поворот в подвиге в массах доверия к кадрам советской интеллигенции, к достижениям науки. ЛЮБОВ. Ну это уж, товарищ Скакунцов, в ваших руках. СКАКУНЦОВ (трепетно). Как в моих? ЛЮБОВ. Веру-то в науку скакунцовку ведь никто не подорвал.

СОЛОХИНА. Но кто-то подорвал вашу веру друг в друга. А ведь мы жили, как единая советская семья, которая... ЛЮБОВ. Которая не разбита на не-скольких антисоветских семей? (Засмеялась). Но как могла вы, автор скакунцовки, допустить такую профанацию? СКАКУНЦОВ. Я человек, может быть, слишком скромный. Но если бы даже не осудили он меня, едва ли бы я сумел тут что-то сделать. ЛЮБОВ. Почему? СКАКУНЦОВ. Во-первых, не страшно. СОЛОХИНА. Должны страсть: чтобы кто-нибудь не залопотал в боязни конкуренции. СКАКУНЦОВ. Чтоб я себя не валопотрошил в этом. ЛЮБОВ. Ну это уж слишком тонко. СОЛОХИНА. Говорит, с детства это у него. ЛЮБОВ. Ай-ай, какой большой ребенок! (Все смеются. На смех вошел Дармодыхин).

ДАРМОДЫХИН. Я давно уже залопотал его науку, и сам он мне на семьдесят процентов... СКАКУНЦОВ (Лобову). Ты нам помоги выложить вину. ЛЮБОВ. Помогайте вы сначала объяснить дело. С кого советуется начать беседу? С Лучининым беседа моя что-то не клеится. СОЛОХИНА. Что же? ЛЮБОВ. Сначала не хотел пускаться к себе, насколько вела. А потом чуть не выгнал. СОЛОХИНА. Что за так? СКАКУНЦОВ. А вы чего другого от него ждали? ЛЮБОВ. Попросите, пожалуйста, ко мне доктора Громова. ДАРМОДЫХИН. Я бы тоже советовал. ЛЮБОВ. Она ведь первая вялая была за рота. (Солохина и Скакунцов уходят. Лобов пишет, погружен в работу. В дверь влетел Дармодыхин).

ЛЮБОВ. А как вы насчет уголовного закона? ЛЮБОВ. (Стучит кулаком, кричит). Без шутства! Я вас спрашиваю серьезно. ЛЮБОВ. (тоже стучит кулаком). Без шуток! Серьезно — не так спрашивать! ЛЮБОВ (спокойно). Да что вы кричите? ЛЮБОВ. А разве уже не нужно? Ну, давайте не будем. ЛЮБОВ. Вы друзья с Лучининым? ЛЮБОВ. Были. ЛЮБОВ. Были? А теперь? ЛЮБОВ. Я отменялся. ЛЮБОВ. Почему? ЛЮБОВ. А кому же охота в авантюристы попускать? ЛЮБОВ. Значит, вы его считаете авантюристом? ЛЮБОВ. А вы? ЛЮБОВ. Я желаю знать ваше мнение. ЛЮБОВ. А я ваше: оно авторитетней и беспристрастней. ЛЮБОВ. Нет, вам здесь виднее. ЛЮБОВ. Но мы пристрастны. ЛЮБОВ. А как относитесь к Солохиной? ЛЮБОВ. Пристрастно. ЛЮБОВ. То-ест? (Яшин молчит). ЛЮБОВ. В каких вы отношениях? ЛЮБОВ. Пока ни в каких! ЛЮБОВ. Что значит «пока»? ЛЮБОВ. Можно не говорить правду? ЛЮБОВ. Нельзя. ЛЮБОВ. Мыслька вступить с ней в личные отношения. ЛЮБОВ. Любите ее, что ли? ЛЮБОВ. И другие у нас ее любят: не навязываются.

ЛЮБОВ. А вы? ЛЮБОВ. Тоскую. Вы «Прекрасную Даму» Блока читали? ЛЮБОВ. Читал. ЛЮБОВ. И что вы о ней думаете? ЛЮБОВ. Я думаю — по все прокурор топчет. ЛЮБОВ. Это он — напрасно и безутешно. А у нас и другие так, как вы, думают. Но оригинально вы думаете. ЛЮБОВ. Вот что, оригинальный товарищ Яшин, довольно фокусно! ЛЮБОВ. Товарищ Лобов, я от вас требую этого же самого. ЛЮБОВ. Найдем корни! ЛЮБОВ. Не вы, по веточкам лазите... ЛЮБОВ. Ничего, и по веточкам можно до корней добраться. ЛЮБОВ. А можно также из веточек только дров наломать. Да и то мелкий. ЛЮБОВ. А со Скакунцовым вы как? ЛЮБОВ. Друзья. ЛЮБОВ. Близкие? ЛЮБОВ. Близкие некуда! ЛЮБОВ. Что же вас сблизило? ЛЮБОВ. Общая врага. ЛЮБОВ. Значит, новая дружба? ЛЮБОВ. Но старый друг лучше новых... ЛЮБОВ. Вы о ком? ЛЮБОВ. О вас. Скакунцов говорит: вы с ним старые друзья. ЛЮБОВ. Он так говорит? ЛЮБОВ. Подчеркивает: «Закладывайте». ЛЮБОВ. Не потому ли вы так со мной разговариваете? ЛЮБОВ. Мне показалось, — вы поэтому так со мной разговариваете. ЛЮБОВ. А если я вам скажу, что я от друзей со Скакунцовым очень далека? ЛЮБОВ. То я вам скажу о себе то же самое. (Лобов, смеясь, прошелся по комнате. Яшин — рядом). ЛЮБОВ. Выходит, разговор начинать сначала? ЛЮБОВ. Можно и с конца. Только — без расстройств. ЛЮБОВ. Меня эта месячная жена расстроила. ЛЮБОВ. А меня Скакунцов.

Проф. Холдейн о настроениях английской интеллигенции

Американский журнал «Нью-Йоркер» обратился к пользующемуся мировой известностью англоязычному ученому, писателю и общественному деятелю, председателю редакционного совета газеты «Дейли уоркер», проф. Холдейну с просьбой охарактеризовать настроения английской интеллигенции и позицию английских писателей во время войны. Проф. Холдейн ответил статьей, которую мы приводим здесь с небольшими сокращениями.

Я полагаю, что наиболее выдающимися представителями нашей интеллигенции являются Бернанд Шоу и Герберт Уэллс. Бернанд Шоу 63 года, но глаза его не потеряли своей зоркости. Он постоянный читатель лондонской «Дейли уоркер», и когда этим летом я сообщил ему, что мы снова перейдем от четырех страниц к восьми, все лицо его засияло от удовольствия. Далее, по словам Холдейна, Шоу выразился в том смысле, что Англия необходима правительству, которому Советский Союз мог бы доверить. Шоу — искренний почитатель Маркса, он чувствует, что политика коммунистической партии соответствует его желаниям больше, чем любая из альтернатив, перед которыми стоит теперь английский народ. С Гербертом Уэллсом, пишет Холдейн, дело обстоит совершенно иначе. Он придумал чуть ли не двадцать перспектив будущего для человечества, но человечество отказывается принять хотя бы одну из них. Он очень скромно оценивает свои великие заслуги в области популяризации научных знаний и совершенно не откладывает себе отчета в том, что он один из лучших английских стилистов. Уэллс капитализма он считает возможным вояком цивилизации. Но на этот раз он, по крайней мере, не является таким пропагандистом, как это было в 1914 г., когда он пустил в ход фразу: «Война, чтобы покончить с войной».

В сентябре 1939 г. лондонский университет был эвакуирован. Некоторые из моих коллег отправившись в Уэллс. Мне было предписано эвакуировать мои лаборатории в течение трех дней. Я отказался, и несмотря на преследования полиции, на арестования с электричеством, с водой, несмотря на угрозы по отношению к моим ассистентам, я еще почти год продолжал работать и сделал несколько открытий. Многие из ученых прекратили научную и преподавательскую деятельность вследствие убеждения, будто война и культура несомненно; этому принципу не следовали в республиканской Испании и не следуют теперь в Китае. Говорят, что крысы обыкновенно первыми бегут с тонущего корабля. Некоторые же наши «левые» писатели (и не то-

то) объявлять их в сговоре с этими грызунами) перепрыгнули на тонущий корабль английского капитализма. Среди них Джон Стрейчи с его «Программой прогресса», которая, может быть, была бы применима в эпоху глубокого мира и устойчивости, но совершенно неподходяща при приближающейся, по мнению Бернанд Шоу, ситуации. Затем, Бернанд Ресселл и Джодд, бывшие пацифисты, стали сторонниками войны, в которой они по возвращению своему могут принять участие только, как мифический леминг.

Сценарий и фильм

Вера СМЕРНОВА

Дети не любят неудачников. Все свои симпатии в кино и в книге, как и в жизни, они отдают герою, которому все удается, который умеет счастливо находить и драгоценный клад, и нужное слово, и выход из трудного положения. Таким своеобразным счастьем в детской литературе — изобретателем сказочных находок и во-время сказанных слов является Аркадий Гайдар.

В каждой новой книге он, как удачливый золотодобытчик, открывает как-то россыпи, как-то золотоносную жилу, или совсем новую или заброшенную в лавин пор, несправедливо забытую. Мы иногда досаждем, видя эти богатства бесплодными, говорим, что Гайдару для разработки открытых им россыпей зачастую не хватает терпения, труда и высокой техники. Но мы, может быть, до конца не поняли еще, что главное свойство его таланта — открывать. Каждая новая его книга — всегда какое-то свое, гайдаровское слово, сказанное удивительно во-время и потому приобретающее особую важность и значение, как лозунг в политической борьбе, как военная команда в бою. Таким словом, подлинно счастливой находкой писателя является сейчас придуманная Гайдаром Тимурова команда.

Звание война революции, бойца Рабоче-Крестьянской Красной Армии окружает гайдаровских героев романтическим ореолом, и красная звезда на шапке, на рукаве, на груди выделяет воющего ее среди других людей. Гайдар совершенно так же, как и его двенадцатилетний читатель, любит, гордится локвой, лавной фигурой, опытной одеждой, военным размеренным шагом, короткой уверенной ревью — всем мужественным обликком красноармейца. Это детское восхищение соединяется в Гайдаре с вполне зрелой гордостью советского гражданина. Гайдар — подлинный поэт Красной Армии, и самый дорогой и любимый образ для него — образ красного командира. Вот почему обычно лучший из гайдаровских героев-ребят всегда стремится быть похожим на такого командира. Тимур — маленький командир ребятней команды — сержант и суров, в нем есть что-то невысказанное, какая-то пленительная для детского воображения таинственность, он неразговорчив, а если и говорит, то речь его не похожа на речь других ребят. Он не смеется, он даже ни разу не улыбается, чувство юмора ему не свойственно, он делает все всерьез. Он именно романтический герой. Играть его трудно, но играть в него очень интересно: это упражнение на выдержку, на чувство собственного достоинства, на умение руководить, быть командиром в полном смысле слова. В сценарии есть еще очень хорошая девушка, сеританка на вид и непроститая. Она, как всегда все милые женщины у Гайдара, может быть занята простым житейским делом — вроде пришивания оторвавшейся бретельки к сарафану, — но даже это скучное и прозаическое задание выглядит у нее поэтически, потому что она живет большой и необычайной внутренней жизнью, и пошлость не может коснуться ее. Она строга, она выдерживает прочь цветы, преподнесенные ей «назавтрашним» молодым человеком, но если она полюбит этого молодого человека, то глубоко и накрепко. И на фронт его проведет без единой слезинки, горю.

О партийной организации ленинградских писателей

В последней книжке (№ 24 за 1940 г.) журнала Ленинградского областного комитета и городского комитета ВКП(б) «Партийный организатор» напечатана статья А. Нежданова «О партийной организации писателей». Статья эта резко критикует партийную организацию Ленинградского отделения Союза советских писателей, все еще находящуюся в стороне от осуществления важнейших задач, поставленных партией перед советской литературой.

«Слово «творчество» складывается здесь — из двух частей, — пишет А. Нежданов, — часть, которая, ни одного партийного собрания, где бы не говорилось о необходимости создать полноценную творческую обстановку в писательской среде, провести ряд творческих дискуссий, обсудить творчество того или иного писателя и т. д. Но хорошие слова, часто повторяемые на собраниях партийной организации Ленинградского отделения Союза писателей, фактически эта организация, призванная играть большую роль в идейном воспитании крупного писательского коллектива, стоит в стороне от творчества ленинградских писателей... За все время своего существования партийная организация не поставила перед правлением Союза ни одной творческой проблемы, не подняла ни одного крупного вопроса».

Парторганизация ЛенССП, не уделяющая никакого внимания вопросам творчества, прогнала появление ряда идейно-художественных произведений ленинградских писателей и драматургов. Парторг ЛенССП ничего не делал и для того, чтобы поставить на партийном собрании творческие задачи в Ленинградском отделении Союза советских писателей.

А между тем, партийному бюро хорошо известно, что коммунисты, являющиеся членами правления Союза, в своем подавляющем большинстве здесь ничего, много говоря, не делают. Но ни разу вопрос о бездеятельности этих членов правления не был предметом обсуждения партийного бюро.

Попытки партийной организации Союза заняться живыми вопросами литературной жизни настолько редки, что трудно ожидать каких-либо реальных результатов от случайных, эпизодических обсуждений книг и журналов. В «Партийном организаторе» рассказывается, например, об обсуждении на партсобрании ленинградских писателей литературно-художественных журналов.

«Недавно партийная организация решила обсудить содержание вышедших в этом году номеров журналов «Литературный современник» и «Ленинград». Решения хорошие, но проведено оно было без предварительной подготовки, односторонне. Обсуждение поэтического отдела журнала «Литературный современник» велось почему-то на закрытом партийном собрании без участия поэтов, произведения которых подвергались критическому разбору. Многие коммунисты не дали себе труда даже ознакомиться с содержанием журналов. Так, писатель-коммунист Зельдер насчет просмотрел комплект «Ленинград», лишь приглянув на собрание. Почти половина коммунистов, в том числе и докладчик В. Кетлинская, волею судьбы не пришла на собрание. И это, к сожалению, не единственный факт. Аналогичные факты можно здесь наблюдать на всех партийных собраниях».

В статье А. Нежданова далее привлекены стихи, свидетельствующие о том, что парторг не только не борется за укрепление дисциплины среди писателей, но не реагирует на нарушения некоторых коммунистами элементарных норм поведения членами партийной организации. «Всюю этого года комиссия, выделен-

ная Кузьбшевским райкомом ВКП(б), проверяла деятельность издательства «Советский писатель», возглавляемого коммунистом Н. Брыкиным. В ходе проверки в издательстве были вскрыты крайне неприглядные явления, в том числе и такие, как нарушения финансовой дисциплины, семейственность, зажим самкритики. О результатах проверки комиссия доложила партийному бюро. Под влиянием неопровержимых фактов парторг принял единственно правильное решение — затребовать от ситника Н. Брыкина с работы директора издательства. Но когда нужно было прийти на бюро Кузьбшевского райкома ВКП(б) и доказать необходимость этой меры, никто из членов парторга на бюро райкома не явился. Нежелание «испортить отношения» с Брыкиным оказалось сильнее, чем партийный долг».

Столь же неприципиальным было поведение парторга и в отношении так называемого «Объединения молодых поэтов» при газете «Смена», о грубейших ошибках которого говорилось в печати.

«В том, что 20 молодых поэтов отклонились от писательского коллектива и противопоставили себя ему, — замечает автор статьи в «Партийном организаторе», — бесспорно повинно правление Союза. Нужно было с самого начала уделить больше внимания молодым поэтам, нужно было направить их творчество в нужное русло. Этого сделано не было». «Все эти и многие другие факты, — заключает свою статью А. Нежданов, — наглядно свидетельствуют о том, что партийная организация Ленинградского отделения Союза писателей не нашла своего места в писательском коллективе и не поняла своей основной задачи, заключающейся в идейно-политическом воспитании писателей. Занимаясь мелкими принципиальными вопросами, вынося обидные решения, эта партийная организация не сочла нужным наладить систематический контроль за тем, как работают писатели над повышением своего идейного уровня, как они изучают историю партии. Между тем, можно с уверенностью сказать, что провалы и неудачи, постигшие за последнее время некоторых ленинградских литераторов, объясняются прежде всего их низким теоретическим уровнем. Недавно проведенная городским комитетом партии проверка показала, что значительная часть писателей, в числе которых есть и коммунисты, не разбирается в элементарных политических вопросах».

В низком уровне идейно-политического воспитания парторганизации следует искать и причины ее крайне слабого роста. Между тем, в Ленинграде есть подлинная мастера художественного слова, являющиеся в полном смысле слова непартийными большевиками.

Следует серьезно помочь партийной организации Ленинградского отделения Союза писателей узнать подобающую ей роль в писательском коллективе. Не могут быть дальше терпимо, чтобы парторганизация, призванная воспитывать столь важный орган советской интеллигенции, стояла в стороне от решения первоочередных задач, выдвинутых перед литераторами партией, правительством и лично товарищем Сталиным».

Статья «О партийной организации писателей» в журнале «Партийный организатор» следует широко обсудить в среде ленинградских писателей, в первую очередь писателей-коммунистов. Однако, как сообщает нам наш ленинградский корреспондент, ни в парторганизации ЛенССП, ни в библиотеке Дома писателя им. Маяковского нет ни одного номера журнала, в котором напечатана эта статья

15 января в Киеве скончался академик Юрий Матвеевич Соколов, крупнейший ученый-фольклорист нашей страны, талантливый исследователь и замечательный педагог, воспитавший тысячи учеников, из которых многие успешно ведут самостоятельную научную работу.

Юрий Матвеевич принимал самое живое участие в организации всей фольклорной работы в Советском Союзе. Великая любовь к советской родине и к ее народу была источником той огромной и плодотворной работы, которую вел Юрий Матвеевич.

Громадный авторитет Ю. Соколова как ученого и организатора побудил Академию наук УССР избрать его академиком и поставить его во главе Фольклорного института академии.

Юрий Матвеевич Соколов стоял во главе кафедры фольклора Института истории, философии и литературы им. Чернышевского. Эта кафедра была организована по инициативе покойного и являлась центром научной работы по фольклору в Украине. В течение многих лет Юрий Матвеевич стоял во главе секции народного творчества Союза советских писателей, и его неустанной работе советская литература обязана тем, что не только сваяла с ней все наиболее крупные кадры сказителей и сказочников, но и тем, что содействовала творческому сближению литературы с народным творчеством.

Юрий Матвеевич, написавший до 200 работ, был в науке подлинным мастером, сочетавшим глубину научного анализа материала с яркой художественной его интерпретацией, и благодаря этому, книги, статьи и живое слово акад. Соколова пробуждали у читателей и слушателей горячую любовь к сокровищам русской народной поэзии.

Смерть академика Юрия Матвеевича — это большая потеря для организации в Москве крупного исследовательского центра по изучению фольклора, и эти работы должны взять на себя его товарищи, друзья и ученики, чтобы сделать то, что не успел сделать ушедший из нас большой советский ученый.

Вл. Потемкин, А. Фадеев, ПРОФЕССОР: А. Еглов, Н. Гудай, И. Китайгородский, В. Дынкин-Соколов, М. А. Дынкин, Ив. Розанов, ректор ИЮЛИ А. Асеев, П. Соколов, К. Розанова-Марцишеская, В. Маркус, Н. Арденс, В. Любимов, П. Богатырев, М. Эйзенгольц. УЧЕНИКИ: В. Сидельников, С. Жилина, Ал. Гуревич, В. Крупицкая, М. Кострова, З. Гофман, С. Минц, Ф. Чичерин, Н. Чуванов, А. Мареева, И. Оссовский, Г. Терентьев, Б. Богомолов, Н. Роддественская, Н. Комовская, М. Шегалева, Э. Бородин, Р. Липец, А. Сергеев, В. Попов. СКАЗЫВАТЕЛИ: Ф. Конованов, М. Кривошеина, П. Рабинин, А. Барышникова, А. Морозов, М. Голубкова.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУЧАМ, М. ЛИФШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

Государственное издательство «Художественная литература» (ГОСПЛИТИЗДАТ) с прискорбием сообщает о безвременной утрате своего активного сотрудника-редактора и рецензента ряда изданий

АКАДЕМИКА Юрия Матвеевича СОКОЛОВА

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского СООБЩАЕТ, что ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ тов. ЯКОБСОН Л. Г. «ОБРАЗНОСТЬ В ПОЭЗИИ», ОБЪЯВЛЕННАЯ 12 ЯНВАРЯ в «Литературной газете» № 2, ПЕРЕНОСИТСЯ НА 23 ЯНВАРЯ, в 2 часа дня.

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ ИЗДАТЕЛЬСТВА «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» МОСКВА, Кузнецкий мост, 18 ТЕЛЕФОН К 4-42-39.

В СВЯЗИ С ЛИКВИДАЦИЕЙ КНИЖНОЙ ЛАВКИ ПИСАТЕЛЕЙ (Лиффонда) на ул. Горького, 13 И СЛИЯНИЕМ ЕЕ С МАГАЗИНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВА, ПРИ МАГАЗИНЕ ОБОРУДОВАНА КОМНАТА ДЛЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ ЗАКАЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ. ЗАКАЗЫ ПРИНИМАЮТСЯ УСТНО, ПИСЬМЕННО И ПО ТЕЛЕФОНУ.

В ПРОДАЖЕ ИМЕЮТСЯ КНИГИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВУ, ФИЛОСОФИИ и др. Магазин открыт с 9 ч. до 20 ч.

В. Г.

Вечер поэтов трех поколений

Литературно-творческий институт Союза писателей, уже имеющий среди выпускников прошлых лет поэтов, хороших знатоков советских читателей, организовал своеобразный вечер-смотр поэтического творчества студентов института.

Руководитель кафедры поэзии И. Л. Сельвинский в своем вступительном слове говорил о вечах, стоящих перед институтом, о воспитании тех качеств, какие должны быть свойственны поэту нашего времени.

На вечере выступили поэты трех поколений: И. Асеев, П. Антокольский, И. Сельвинский, С. Кирсанов — руководители творческих семинаров института; К. Симонов, М. Алигер, Сергей Смирнов, Раскин и Слободская — поэты, окончившие в свое время институт, и наконец, участники творческих семинаров, в большинстве своем еще не печатавшиеся.

Водушевление, с которым принимали выступавших молодых поэтов, и несомненный живой интерес, который вызвали их произведения у старших товарищей, свидетельствуют о том, что произошло немаловажное, радостное событие: в литературу пришел отряд новой талантливой молодежи. Несмотря на все различия дарований и поэтического темперамента, всем им свойственна в большей или меньшей степени одна общая черта: желание писать вне поэтической инерции, бороться с шаблонами не только в области стихотворной формы, но и в самой трактовке тем, даже таких, которые давно уже стали достоянием нашей поэзии.

Следует отметить одно несомненное достоинство произведений молодых поэтов, прочитанных на этом вечере: большинство из них свойственен глубокий интерес к темам широкого общественного звучания. И что самое главное, — пошлость, а порой и умение осмыслить эти темы лирически. Всем им присуще стремление уйти из круга узко лирических представлений. Так, М. Луконин в своих очень энергичных по интонации военных стихах своеобразно перелетает патристическую тему с темой личной дружбы, любви и творчества. Он пишет о гибели товарища, о переживаниях и мыслях бойца, сражающегося за свою родину, М. Кульчицкий прочел отрывки из «Поэмы о России». В них интересно сочетаются субъективная тема детства с темой интернационализма, с темой будущего родины. Его стихи вдохновенно-непосредственны, и вместе с тем они отличаются формальными достоинствами, незаурядными для молодого поэта.

Из нескольких стихотворений, прочитанных Б. Случком, более всего запомнились стихи о парижском доме инвалидов. Очень интересные по сюжету, написанные с гневным пафосом, они, однако, лишены той живой и свободной поэтичности, какая чувствовалась в стихах Луконина и Кульчицкого.

Стихи М. Луконина, М. Кульчицкого и Б. Случкого отличались смелостью замысла и серьезностью мысли. К этому нужно прибавить умение интересно и по своему строить поэтическую речь.

Рядом с вещами этих трех поэтов гораздо меньшей интерес представляли стихи А. Артемова, Е. Аграновича, П. Котана, С. Наровчатова и И. Израилевича.

А. Артемов, П. Котан и Е. Агранович, при всей их непохожести друг на друга, излишне традиционны в своей поэтической манере. Прочитанные ими стихи порою интересны по замыслу и некоторым деталям. (У Котана — лирическое отступление из романа в стихах, у Аграновича — поэма «Голубь»). Но даже лучшим из стихов недостает подлинной серьезности мысли, самостоятельности и остроты. У Котана и Аграновича, поэтов, несомненно, способных, многое из прочитанного звучало претенциозно.

Напряженная лиричность, отличающая стихи И. Израилевича, не смогла, однако, восполнить два крупных недостатка его вещей — ограниченности поэтической мысли и известной старомодной вышренности чувства.

Стихи С. Наровчатова, умело написанные, своеобразные по темам, преимущественно историческим, внутренне очень сумбурны и часто искусственны в своей стилизации. М. Львовский прочел несколько стихотворений, но лишены остроты и этим привлекательны. Его стихотворение о Маяковском, интереса разрешающее тему бурь и творчества великого поэта, отличается подлинной внутренней серьезностью.

Литинститут ССП сделал очень правильно, организовав вечер-смотр своей поэтической кафедры. Вечер показал, что в институте ведется интересная и плодотворная работа.

ПО ЛЕНИНСКИМ МЕСТАМ. Дом в городе Подольске, в котором В. И. Ленин конспиративно проживал со своей семьей в 1900 году. Наверху — балкон комнаты Ильича.

НА СОБРАНИЯХ НОВЕЛЛИСТОВ

Повесть о Шевченко

Пост московских новеллистов, украинский писатель А. Ильченко, на последнем собрании прочитал отрывки из своей повести о Тарасе Шевченко «Петербургская осень». Повесть эта, заданная уже на украинском языке (под названием «Сердце жде»), в русском переводе будет печататься в журнале «Октябрь».

Писатели, выступившие на собрании, отметили, что автор очень добросовестно изучил историко-биографический материал и настолько творчески освоил его, что читатель не чувствует, где кончается документ и начинается дополняющий его художественный вымысел. В повести показан не только великий поэт украинского народа, тепло и любовно написанный автором, но и эпоха и окружение Шевченко, состоявшее из людей различных социальных прослоек, различных идейных направлений.

Много места в повести уделено встречам Шевченко и Чернышевского. Однако образ Чернышевского, изображенного в одной из прочитанных автором глав, вызывает возражения. Великий революционер-демократ, борясь с самодержавием покаялся у А. Ильченко «безвольным философом», человеком пассивным, слабым.

Все единодушно считают, что перевод повести очень плох, язык беден, полон банальностей. Это особенно бросается в глаза при сравнении перевода с оригиналом.

«Русская сказка»

В повестках, приглашавших писателей на собрание новеллистов 10 января, лаконично сообщалось: «Л. Лазарев прочитает «Русскую сказку». Почти всем пришлись на ум рассказы о Пушкине, но никто из присутствующих не говорил ни название вещи, ни фамилия автора, впервые выступившего с чтением фрагментов из своего первого, еще нигде не печатавшегося произведения.

«Русская сказка» — это эпопея о русском народе, о его стремлении к сча-

стью, о поисках счастья. В философских обобщенных образах возникает тема природы и человека, смерти и рождения, — неяснокакого потока жизни. Смерть обретает метод старика-плотника о счастье — сын продолжает поиски счастья, которое обретает вместе со всем русским народом в Великой Октябрьской революции.

Первая часть эпопеи, вся насыщенная мотивами народного творчества, дает картину старой русской жизни, полной скорби народной, тоски и вместе с тем веры человека в счастье и правду.

Неопределенная мечта о личном счастье в столкновениях с действительностью перерастает в поиски общего счастья и правды для всех. Но это составит уже тему последующих частей книги, которая закончится, по замыслу автора, днями Октябрьской революции и гражданской войны.

В обсуждении прочитанных фрагментов приняли участие академики Ю. М. Соколов, Р. Фраерман, Н. Шкляр, А. Бек, Л. Тоом, С. Гехт, А. Новиков, М. Эгарт, Н. Атаров, А. Письменный.

Рассказы С. Кржижановского

С. Кржижановский печатается очень мало и еще реже выступает с чтением своих произведений на писательских собраниях. Поэтому его фантастические новеллы и сатирические этюды, прочитанные на одном из собраний новеллистов, были для многих своего рода открытием.

Новеллы С. Кржижановского очень понравились почти всем, принявшим участие в их обсуждении. Не раз упоминалось имена лучших мастеров фантастической новеллы — Эдгара По, Уэллса, Грина, когда писатели говорили о сюжете и литературной традиции, которую как бы продолжает в своем творчестве С. Кржижановский.

Е. П.

Газеты сообщают

В Доме партийного просвещения состоялось литературное декаданс группы писателей Приморья. Обсуждались произведения местных писателей Щербаковой и Краснова. («Красное знамя»).

На прииске Верхний Амур по инициативе комсомольцев организован литературный кружок. В программе занятий кружка — доклад о классиках, их отдельных произведениях, обсуждение работ местных молодых авторов-горняков.

«Тихоокеанская звезда».

В связи с 20-летием установления советской власти в Казахской области комитетом ВКП(б) и облисполкомом награждены почетными грамотами лучших людей области.

В числе награжденных — народный поэт Карачая Исмаил Семенов и поэт Даут Байкулов. («Красный Карачай»).

В Доме партийного просвещения состоялось литературное декаданс группы писателей Приморья. Обсуждались произведения местных писателей Щербаковой и Краснова. («Красное знамя»).

Театр Краснознаменной Балтики

Вчера исполнилось десять лет существования Театра Краснознаменного Балтийского флота.

Биография краснофлотского театра начинается с момента создания самодеятельного кружка при крошечном Доме Красной Армии. Небольшая группа краснофлотцев-массовиков, горячо любящих искусство, с энтузиазмом принялась за дело. Начали они с постановки «Леона Кутюра» Б. Лавренева да с нескольких концертных программ. Сразу же театр стал постоянным спутником балтийцев, — он обслуживал их на маневрах, тактических занятиях, в фортах, на боевых и резервных участках.

Работа самодеятельного краснофлотского театра на маневрах 1931 года получила высокую оценку С. М. Кирова и Б. Е. Ворошилова. Во второй своей годовщине театр стал уже «штатным». С каждым годом расширялся его репертуар, росло количество артистов. Наряду с советскими пьесами «Море наше» Г. Блауштейна и Г. Венедиктова, «Беспобойная старость» Рахманова, «Павел Греков» Ленча и Войтехова, «Падь Серебряная» Погодина, «Сестры» Ю. Германа и другие произведениями советских драматургов, театр поставил «Дгуна» Гольдони, «Лексар половец» Мольера и две пьесы Островского.

В дневнике театра записано много славных страниц: поездки в Киевский военный округ, в Черноморский флот, спектакли в Северной военной флотилии, выступления на Московском авиозаводе им. Сталина, участие в заграничном рейсе вместе с экипажем Краснознаменного Балтийского флота. Театр был желанным гостем на торжественном вечере в Большом театре столицы в честь 15-летия Октября, коллектив театра выступил перед делегатами I сезда колхозников, VII сезда Советов, VII конгресса Компартии, перед X сездом ВЛКСМ.

1940 год театр встретил на фронте. В течение четырех месяцев бригады артистов работали в действующих частях Ленинградского военного округа и Краснознаменного Балтийского флота. Вместе с командой военных кораблей артисты грузились на бронепоезда, участвовали в штурме островов Гогланд и Лавенсаари, сражаясь в землянках, выступали в лесу, в разрушенных сараях, у костров. На Карельском фронте артисты не раз прерывались вражескими снарядами.

К юбилейным дням театр поставил два новых спектакля: «Двадцать лет спустя» М. Светлова и «Заговор Фиеско» Шиллера, которые он показывает сейчас в Таллине.

В. Г.

Юрий Матвеевич Соколов

15 января в Киеве на торжественном юбилейном заседании Украинской академии наук умер от разрыва сердца крупнейший советский фольклорист, пользовавшийся широкой известностью во всех наших братских республиках, академик Юрий Матвеевич Соколов.

Прекрасна была его жизнь. Любовь к науке и любовь к людям, вот два главных стимула всей его деятельности, и трудно сказать, что у него преобладало. Вернее, то и другое сливалось в одно неразрывное целое. Последние два года он страдал припадками грудной жабы, но когда ему говорили, что он должен отказаться от организационной работы, от посещения заседаний, от деловых разговоров и ограничиться какой-нибудь спокойной чисто кабинетной работой, он отвечал: «Но для меня это не будет жизнью».

Самое зарождение научных интересов, еще в гимназические годы, возникло у Ю. М. не столько от прочитанного, сколько от услышанного. В доме его отца Матвея Ивановича Соколова, профессора Московского университета по древней русской литературе, часто бывали такие ученые с европейскими именами, как знаменитый лингвист Ф. Ф. Фортунатов, как фольклорист Всеволод Миллер, как Ф. Е. Корш, говоривший на 23 языках. Братья-близнецы Борис и Юрий Соколовы присутствовали при беседах старших и рано определили свою будущую специальность.

В университете они сразу обратили на себя внимание и профессором и товарищей своей неистовым всеосознанием, серьезностью в обхождении людей и самостоятельностью своих научных запросов. В 1908 г. двадцатипятилетним студентом братья отправлены в Белозерский край для собрания фольклора. Это было довольно рискованно. В глухих углах Новгородской губернии их встретили крайне недружелюбно.

Но Борю и Юрия оказались так непохожи на бар, так просты и открыты, так внимательно к крестьянским нуждам, так в конце концов открыты и широкого человеческого. В следующем году они повторили свой поход туда же.

Обработка собранного фольклорного материала продолжалась несколько лет; братья окончили университет в 1911 г., а только в 1915 г. вышел обстоятельный в 800 страниц «Сказки и песни Белозерского края». Рецензенты тогда же отметили новаторство молодых ученых: у них было новое, более широкое понимание термина «сказка», они впервые обратили серьезное внимание на народные предельные песни и романсы, а главное, они произведения фольклора изучали в тесной связи со сказочниками или сказителями, подчеркивая творческую роль их личности.

С 1920 г. начинается длинный ряд фольклорных экспедиций Ю. М. Соколова, как в ближайшие места (в Московскую, Тверскую, Владимирскую губернии), так и в более отдаленные. Особенного внимания заслуживают две экспедиции фольклорной секции Государственной Академии художественных наук, предпринятые в 1926 и 1927 гг. под руководством братьев Соколовых: первая — на берега Онежского озера, вторая — на берега Кемь-овое. Экспедиция записывала былинны в тех же местах, где когда-то провозволили свои записи Рыбников и Гильфердинг.

Экспедиция происходила в совершенно новых условиях, чем первая — Белозерская. Во-первых, братья Соколовы были не одни: с ними были уже и другие более молодые фольклористы, их ученики; во-вторых, местные власти не мешали, а помогали им, и наконец, деревня преобразовалась, явились радио и электричество; население радужно встречало экспедицию.

Характерной чертой братьев Соколовых как фольклористов было не только то, что они фольклор тесно связывали с людьми и бытом, но они больше, чем кто-либо до них, обратили внимание на необходимость изучения художественной